

Конференция «**Обретение будущего: диалоги**»
(выдержки из стенограммы)

18 мая 2011 года
10.00-17.00

Институт современного развития,
Большой конференц-зал
г.Москва, ул.Делегатская, д.7, стр.1

Игорь Юргенс (Председатель Правления Института современного развития). Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Приветствуя всех, кто сегодня собрался, и друзей из Москвы в первую очередь, хочу сказать, что у нас есть коллеги из регионов, которые, начиная с нашего первого доклада, активно участвуют во всех наших обсуждениях, и мы их приветствуем особо. Сегодня с нами Калининград, Санкт-Петербург, Калуга, Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск и Владивосток. Это нам очень дорого.

Спасибо вам за интерес.

Скажу о том, что мы сегодня хотим от вас услышать. Доклад, который мы озаглавили «Обретение будущего»¹, дал начало широкой внутривластной дискуссии, и мы этому очень рады. Но теперь нам надо понять, куда идти дальше. Формат каких-то больших докладов, я думаю, себя немножко исчерпал. Наши коллеги, высококлассные специалисты, часть из которых участвовала и в подготовке нашего доклада, работают над «Стратегией 2020». Это будет большой интересный документ.

Поэтому хотим с вами посоветоваться. После нашего доклада последовало несколько очень содержательных документов. Наиболее близкий нам по духу был выпущен Центром стратегических разработок, Михаил Эгонович Дмитриев сегодня с нами. Мне кажется, что внимание общества сейчас привлечено в первую очередь к внутривластным делам, к выборам, к кандидатам, к партиям, к эволюционной трансформации политической модели России. Потому что если этого не сделать эволюционно, то могут быть и другие пути развития этой политической модели.

На классический вопрос «кто виноват» – у нас есть ответы, на классический вопрос «что делать» – тоже есть, а вот как делать мы пока не очень знаем. Поэтому, если сегодня выступающие нам попробуют дать какой-то ответ на этот вопрос, мы были бы очень рады.

За этим я предоставляю слово для короткого выступления Евгению Шлемовичу Гонтмахеру, основному редактору доклада. Пожалуйста, Евгений Шлемович.

Евгений Гонтмахер (член Правления Института современного развития). Спасибо, коллеги. Я хотел сказать два слова о том, что произошло с момента презентации нашего доклада. Это было 15 марта, прошло два месяца, даже немножко больше, не такой большой срок. Но

¹ Полный текст доклада: http://www.insor-russia.ru/files/Finding_of_the_Future%20FULL_.pdf

какие-то первые впечатления у нас есть. Сначала скажу о формальном моменте, он тоже очень важен: мы постарались максимально донести этот наш текст до сведения экспертного сообщества. Понятно, что мы не рассчитывали на всенародное обсуждение. Мы понимаем, что пишем, прежде всего, для относительно небольшого круга людей, которые заинтересованы в том, чтобы что-то поменять в России.

Для этого мы разместили наш текст на Газете.ру, на Полит.ру, на сайте «Новой газеты». На сайте Газета.ру идет вообще достаточно интересное обсуждение, много очень любопытных статей. В блогосфере интенсивно идет процесс захода на наш текст, количество кликов изменяется уже более чем двумя миллионами.

Для нас это важно, потому что он дает нам какую-то надежду, что все-таки наше общество еще что-то может и экспертное сообщество пока у нас не умерло, и может сказать свое слово.

Мы съездили и презентовали этот доклад в ряд регионов России, и там было тоже очень любопытное обсуждение. Для нас регионы, конечно, принципиально важны, потому что замыкаться в рамках Москвы, с нашей точки зрения, это такая типовая большая ошибка.

Должен вам сказать, если говорить теперь о неких качественных впечатлениях от обсуждения, которое проходит, то оно достаточно спокойное. Когда год назад мы выпустили доклад «Образ России XXI века: образ желаемого завтра»², который намерено сделан в публицистической форме, мы получили в ответ от некоторой части нашего, я бы сказал, политического сообщества достаточно жесткую реакцию. Но, мы считаем, она была мотивирована абсолютно конкретно.

Но за этот год некоторые вещи, которые там были, вошли в обиход и мы их развили в этом нашем новом докладе. И теперь какой-то жестко противостоящей позиции к тому, что мы написали, мы не встретили. Было бы очень отлично если бы кем-то была бы заявлена адекватная и по объему и по охвату позиция. Но ее нет. Да, есть критика, это очень хорошо, мы этому рады, мы на это рассчитываем. Но она, в основном, носит достаточно конструктивный характер, и нам это очень помогает, и мы считаем, что это признак того, что общество вообще готово к переменам. Ведь основная мысль нашего доклада - если мы не будем проводить модернизацию, то мы, к сожалению, можем потерять страну.

Какую модернизацию проводить? Это надо обсуждать. Собственно, в этом и заключается цель сегодняшней конференции. Мы говорили на презентации два месяца назад, что наш доклад не является прошением к власти: «Пожалуйста, вот учтите...». Это наказ экспертного сообщества, которое должно консолидироваться и предложить стране пути выхода из системного тупика, в который мы неуклонно вползаем. Поэтому спасибо, что вы пришли, надеюсь, что сегодняшнее обсуждение поможет всем нам определиться, что мы дальше делаем. Спасибо.

² См.: http://www.insor-russia.ru/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf

Игорь Юргенс. Спасибо большое. Александр Александрович Дынкин, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Александр Дынкин (директор Института мировой экономики и международных отношений РАН). Спасибо, Игорь Юрьевич. Вы знаете, выступая во время обсуждения предыдущего доклада, я сказал, что писание вот неких стратегий, концепций, это наш такой национальный спорт, мы это очень любим, и продолжаем выступать в этой номинации. Я позже скажу несколько слов, почему я довольно скептически отношусь вот к такому жанру экспертной деятельности.

Значит, вот этот новый доклад «Обретение будущего», он, в общем, несодержательный, и по стилистике он, в общем, на мой взгляд, идеально отвечает вот нашему времени, теме такой предвыборной, задачам предвыборной кампании. Доклад очень энергичен, там есть яркие образы, острые оценки, он радикален в критике и в предлагаемых решениях. И поэтому в этом, конечно, его очевидное, на мой взгляд, достоинство.

Но в то же время вот выбор этой стилистики, он достаточно рискован, потому что можно, на мой взгляд, оказаться, своего рода, заложником такого жанра, когда такой самоценностью становится разоблачительный пафос и достаточно пламенные призывы, когда упоение полемикой сокращает пространство для диалога, и когда решительная альтернатива кажется гораздо более привлекательной, чем поиск компромисса.

Я не исключаю, что именно в этом задача ИНСОРа. Потому что ИНСОП – это у нас абсолютно новый, на мой взгляд, жанр экспертной деятельности. За рубежом такого рода структуры называют «advocating think-tank», то есть, скажем, в каждой партии... Вот, скажем, Фонд Эберта, он очевидно связан с социал-демократической партией Германии, это то, что называется «advocating think-tank». У нас это новый жанр и мы, конечно, как всегда еще находимся в поиске.

Но я могу сказать, что на противоположной стороне политического спектра находится масса разнокалиберных и не всегда внятных пиар-структур, и ИНСОП, на мой взгляд, сильно отличается от них в лучшую сторону за счет гораздо большей содержательности, даже, если хотите, гораздо большего трудолюбия и тщательности в проработке своих текстов.

Вот Евгений Гонтмахер говорил о том, что надо консолидироваться экспертному сообществу. Я вряд ли его поддержу в этом тезисе, потому что, на мой взгляд, можно консолидироваться с теми, кто считает, что земля круглая, консолидироваться с теми, кто считает, что земля плоская, на мой взгляд, невозможно, да и не нужно. Это отдельная тема.

Значит, в чем проблема российского общества сегодня, 20 лет спустя после начала реформ? На мой взгляд, проблема в том, что мы по-прежнему мучительно пытаемся преодолеть наследство полуфеодальной культуры, наследство полуфеодальной традиции. И в силу этого нам приходится сталкиваться с такими вопросами, которые не предполагают простых и очевидных ответов. И, мне кажется, не стоит создавать впечатление, что

ответы могут быть простыми. Поэтому, на мой взгляд, когда вместо трескучего бездействия, о чем сказано в докладе, предлагается набор благих пожеланий, мне кажется, что это тоже недостаточный ответ. Поскольку я опасаясь того, как бы вот эта идея, или лозунг, модернизации не превратилась в клише, которое, наверное, многие из сидящих в этом зале еще помнят, оно назвалось «экономика должна быть экономной». Вот чтобы не повторился этот тренд.

Ну, для меня очевидно, что очередная волна русской модернизации, это ускоренная историческая модернизация, началась 20 лет тому назад, хотя лозунгом эта тема стала относительно недавно. И новые обстоятельства, это то, что сегодня в посткризисном мире зарубежные практики дают все меньше ответов на наши вопросы, чем это было на заре реформ. Сегодня все – и в Европейском Союзе, и в Соединенных Штатах, и в Китае – ищут ответы на управление обществом, оно точно называется *global governance* вот в этом посткризисном мире. И нам, на мой взгляд, тоже надо принять участие в поиске этих ответов.

Я могу сказать, что мир вокруг нас меняется практически ежедневно. Мы с вами уже 18 лет вступаем во Всемирную торговую ассоциацию. На мой взгляд, ИНСОП мог бы четко, однозначно сообщать обществу в чем здесь проблема, скажем, ежеквартально. Какие проблемы внешние, какие проблемы внутренние, кто, скажем, из бизнес-сообщества, 15 лет тому назад обещал нарастить конкурентоспособность, а потом уже вступить в ВТО, как он справился со своим этим обещанием, или это было чистое лукавство, такая примитивная бизнес-стратегия.

Если взглянуть на энергетику, здесь происходит очевидная технологическая революция. Соединенные Штаты стали самодостаточны по газу, они отказались от его импорта в результате коммерциализации технологии сланцевого газа. В Европе уже 10% энергетического баланса получают за счет альтернативных источников энергии.

Скажем, у такого гиганта нефте-газового бизнеса, как компания «Эксон», уже 54% инвестиций направляются на альтернативные источники энергии, а добыча нефти составляет лишь 9% оборота. Кстати, американцы резко сократили, до 12-13%, свою зависимость от импорта энергии из стран Ближнего Востока и Северной Африки задолго до известных конфликтов.

Или, скажем, мы говорим об инновациях. На мой взгляд, здесь нужны два необходимых условия, без которых все это останется пустыми разговорами. Нам нужны крупные наукоемкие компании, системные интеграторы и конкурентный климат. Без этого сложившаяся сегодня глобальная модель открытых инноваций будет очевидно уводить инновационную ренту за рубеж, а встраивание в глобальные инновационные цепочки останется весьма односторонним.

И здесь проблема в том, что последние годы очевидно – это не только моя точка зрения, – но конкурентный климат в стране ухудшается, и политика Федеральной антимонопольной службы остается крайне невнятной.

И я согласен с Игорем Юрьевичем, что общество несколько устало от таких эпохальных докладов, эпохальных стратегий. И, мне кажется, здесь вот ИНСОП, он легче, чем другие смог бы немного трансформировать свои подходы.

Я бы предложил выпускать короткие бюллетени по самым острым вопросам. Скажем, мне кажется, что можно было бы, например, ежемесячно сообщать об ухудшении или улучшении конкурентного климата, о состоянии коррупционной нагрузки на бизнес. Причем делать для этого в достаточно простой форме, в виде неких коэффициентов ИНСОРа, которые бы общество, СМИ ждали, что вот такого-то числа будет очередной коэффициент ИНСОРа по той или иной теме, как ИНСОП оценивает эту штуку.

Или, скажем, такая проблема многолетняя, что мы никак не можем ратифицировать двадцатую статью Конвенции о противодействии коррупции. Кто голосует против этой конвенции? Чтобы общество знало своих героев. Мне кажется, это была бы полезная вещь.

У нас впереди по программе достаточно много экономистов, я перейду к вопросам внешней политики. Здесь вот эта вечная экономическая тема *cost efficiency*, затраты-результаты, она тоже остается весьма актуальной. То есть, другими словами, какую цену готова заплатить страна за достижение того или иного внешнеполитического результата. Вот как, например, выглядит с этих позиций, затраты-результаты, скажем, признание независимости Северной Осетии? Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, повлиял бы на планирование внешнеполитической деятельности.

Я полагаю, что Россия, в общем, уже избавилась от такого весьма обременительного груза глобального мессианства. Но это не значит, что мы должны уходить от самых острых сюжетов современного международного развития. Один из них происходит просто на наших глазах, я имею в виду Арабскую революцию. Ее причина – опять же, это мой субъективный взгляд – заключается в том, что там стабильность абсолютно стала синонимом стагнации. Я думаю, что лозунги этой революции, их три: «Надоело!», «Не хотим!», «Не боимся!» – вот об этом тоже, наверное, надо говорить.

Конечно, кто-то тоже видит здесь воплощение теории заговора, кто-то очистительную волну, которая убирает тоталитарные режимы. Но мне кажется, что тут есть и более широкий аспект, поскольку мир стоит, мне кажется, на пороге очень глубоких переломов в мировой системе.

А вот если посмотреть на текущие отношения между Ираном и Саудовской Аравией, то вполне можно применить термин «холодная война». Между этими странами сегодня идет эскалация «холодной войны», если вы читаете прессу, заявления политических деятелей, да и некоторые практические шаги.

Происходит достаточно быстрая эрозия традиционных и появление новых центров влияния, таких как Турция, опять же, несомненно, Иран,

который сегодня очень динамично вторгается и стремится к роли регионального лидера.

И Россия, которая, говоря словами доклада, «не должна уходить на обочину глобализации, нового миропорядка», конечно, должна заниматься и этими проблемами конкретно и ответственно, и, в том числе с использованием такого инструментария, который называется «мягкая сила». Это достаточно тонкий инструмент, мы только начинаем его осваивать.

Еще одна тема – это наши взаимоотношения с НАТО. На мой взгляд, это сегодня центральная тема, центральная проблема нашей внешней и оборонной политики. И здесь, конечно, спектр высказываний достаточно широк, как бывает всегда у нас. С одной стороны это рассмотрение альянса исключительно как врага, с другой – рекомендация вступить в качестве полноправного члена в альянс.

На мой взгляд, первая рекомендация архаична, и будет нас тянуть во времена первой холодной войны. Вторая меня несколько настораживает своим радикализмом и таким неким постмодернизмом. На практике, я уверен, что важно выбрать именно некий такой средний курс между этими крайностями. И чтобы это сделать, важно идентифицировать общие для нас и для НАТО угрозы безопасности. Если мы станем договариваться, придем к общим, то, что называется *threats assessments*, оценка угроз, то можно будет с этим дальше разбираться легче.

Конечно, во всем спектре этих отношений сегодня фокус – это взаимодействие в области противоракетной обороны. Если удастся придать предметный характер этой теме, то, на мой взгляд, это обеспечит более глубокий прорыв, поднимет уровень доверия на другую высоту, и это важнее, чем любые совместные стратегические декларации, поскольку если две страны создают совместную ПРО, они не могут оставаться в состоянии взаимного гарантированного уничтожения. И очевидно, что «ястребы» с обеих сторон это прекрасно понимают, и, я думаю, будут делать все, чтобы здесь не сложилось взаимопонимание. Если оно сложится, то, конечно, это уже шаг к таким квазисоюзническим отношениям с альянсом. Но я убежден в том, что их надо кропотливо выращивать снизу, через реальное взаимодействие, прежде всего, наших военных.

Еще одна тема, которая заслуживает, может быть, не такого ежедневного сегодня внимания, но она очень остра в перспективе – это так называемая зона АфПак, или Афганистан-Пакистан. Сегодня это район с крайней турбулентностью, там практически недееспособные государственные структуры, которые плохо контролируют столицы государств, там тяжелое наследие конфессиональных конфликтов, там клановость, бедность, терроризм, перенасыщенность вооружениями, наличие ядерного арсенала в Пакистане. И вот из этого котла, на мой взгляд, нельзя исключать самых-самых неожиданных выбросов и, я думаю, сценарий ядерного Талибана, который еще пару лет тому назад казался утопией, сегодня это уже далеко не просто плохая шутка. И поскольку речь идет о

районе, который находится вплотную к нашим границам, нам очень важно перекрыть экспорт нестабильности из этого региона. И вот как мы будем этим заниматься – в одиночку, или с участием стран ОДКБ, или ориентируясь на более тесное взаимодействие со странами НАТО и за порогом 2014 года, – на этот вопрос нам нужен ответ как это делать.

Сегодня у нас достаточно стабильно сотрудничество с НАТО по так называемому афганскому транзиту, сегодня тяжелые составы с вооружением практически каждую ночь выходят по маршруту Рига-Термез, и это свидетельствует о том, что на одном из таких ключевых геополитических направлений взаимодействие России и НАТО стало практикой, и эта практика подкреплена соответствующими соглашениями. То есть, стороны уже взяли на себя ответственность за обеспечение более-менее стабильного миропорядка в одном из самых опасных уголков мира. И вот, мне кажется тема такой совместно ответственности, тема, если хотите, совместного лидерства представляется очень важной, и она требует очень серьезной и глубокой проработки, и, возможно, это еще одна из задач ИНСОРа.

Игорь Юргенс. Спасибо большое, Александр Александрович. Передаю слово Александру Александровичу Аузану.

Александр Аузан (Президент Института национального проекта "Общественный договор"). Добрый день, уважаемые коллеги! ИНСОР описал полный политический цикл. На мой взгляд, реальное рождение института произошло в мае 2007 года в этом зале, его превращение из прежней ипостаси, когда здесь обсуждались стратегии развития России, сделанные разными центрами – Академией наук, независимыми исследовательскими центрами, – откуда родилась и идея разных стратегий современного развития. Книжки, сделанные сторонниками тех или иных подходов, были вручены будущему президенту России за месяц до избрания Дмитрия Анатольевича Медведева в 2008 году, когда он провозгласил свою программу четырех «И».

Поэтому политический цикл в России есть. Как 2008 год доказал, что есть экономический цикл в России, так вот такая повторяемость событий, когда мы снова на острой фазе политического цикла и снова говорим о том, как разрабатывать в этих условиях окна возможности и различные варианты развития, из этого видно, что политический цикл в России работает.

Я бы хотел сказать о трех вещах. Во-первых, прошли вот эти четыре года, и важно понять, с какими факторами мы имеем дело сейчас, ИНСОР в своих следующих разработках и следующих шагах, и не только ИНСОР. Во-вторых, соотношение с другими программами и разработками. И, в-третьих, о чем Игорь Юрьевич и просит, какие-то советы ИНСОРу, где можно было бы и правильно было бы двигаться дальше.

Насчет факторов модернизации, которые мы здесь, в этом зале оценивали четыре года тому назад, а потом сочли, что шансы на модернизацию значительно снизились после грузинской войны, с началом экономического кризиса. Я сейчас высказываю свою личную точку зрения,

но я полагаю, что выход из экономического кризиса, и одновременно вступление политического цикла в фазу завершения повышает шансы российской модернизации. Я утверждал в сентябре 2008 года и публиковал это в ИНСОРовских работах, что мы проскочили развилку, связанную с модернизацией, но теперь я полагаю, что окно возможностей со скрипом начинает приоткрываться. Я не знаю, на сколько, и приоткроется ли, но вот эти факторы работают на повышение вероятности модернизации.

Внешние факторы конъюнктурные, мировой конъюнктуры, я бы сказал, они действуют противоречиво, потому что, конечно, высокий уровень нефтяных цен, это неблагоприятные обстоятельства, которые позволяют определенным элитным группам откладывать, откладывать и откладывать вопросы, требующие решения. С другой стороны, я не знаю, удалось ли кому-нибудь заключить договор с врагом рода человеческого, чтобы он непрерывно взрывал что-нибудь атомное в Японии, и затевал бы гражданские войны в Африке для того, чтобы держать высокий уровень нефтяных цен 10 лет, и 20 лет, и 30 лет. Вот я не убежден в том, что такого рода гарантии внешних условий существуют.

А возвращаясь к вопросу о ВТО и, между прочим, Таможенном союзе, я полагаю, что Таможенный союз – это уже положительный фактор российской модернизации по простой причине. Обратите внимание: когда малый и средний бизнес в России получил шоковый удар в виде повышения социальных страховых взносов в начале 2012 года, и ожидали значительной делегализации, произошло немножко другое. Делегализация, конечно, будет, в определенных объемах будет, но происходит и уход этого бизнеса – куда? – например, в Республику Казахстан, где институциональные условия по деловому климату, несомненно, лучше, чем в России.

Отлично, что заработали сообщающиеся сосуды! Великолепно, что теперь возможны такого рода движения, которые прямо показывают правительству, сколько оно потеряло налогов, подарив дружественной Республике Казахстан или Республике Беларусь, благодаря тому, что возникли правила, которые не может отменить один человек по своей воле.

Поэтому вступление в ВТО, мне кажется, имело бы примерно такое же значение, более, может быть, значение для российской модернизации именно в смысле образования среды институциональной и вот такого рода обстоятельств, которые позволяют сделать прозрачными проблемы и потери, когда само движение показывает, что делать дальше.

Поэтому, мне кажется, что в целом сейчас шансы российской модернизации, они растут. Но это именно шансы, я бы пока не говорил о реальных результатах, об этом говорить точно рано, и по макроэкономической динамике, и по динамике, кстати говоря, показатели по кросскультурным исследованиям, потому что мы скоро опубликуем работу...

Мы посмотрели с моими коллегами в МГУ имени Ломоносова на корреляцию макроэкономической динамики и факторов по кросскультурным исследованиям, по тем странам, которые успешно выходили на

модернизированные траектории. В России только два из шести показателей такого рода показывают, что какое-то движение происходит. Это пока мало. По объемным показателям, пожалуйста, посмотрите по той же нано-индустрии. 900 миллиардов, который поставлены в качестве задачи этой индустрии на 2015 год, сейчас примерно в районе 15 промилле от этой суммы объем индустрии. Поэтому Россия еще не вошла в модернизацию. На мой взгляд, рано говорить о каких-то результатах, речь идет об условиях входа, и о том, войдет ли вообще.

И в связи с этим второй вопрос, который здесь уже и Евгений Шлемович упоминал, и Александр Александрович, – по поводу консолидации экспертов. Понимаете, дорогие коллеги, я иногда воспринимаю консолидацию экспертов, как негативный признак. Потому что знаете, когда все эксперты согласны? Когда дырка в днище корабля, и эксперты говорят: «Вот не будем сейчас обсуждать вопрос куда плыть, сначала нужно заделать дырку».

Кстати, такого рода консультации, на мой взгляд, обнаруживаются в экспертных группах в программе «Россия-2020», по оценке существующей ситуации там практически очень широкие консенсусы. И не потому, что эта ситуация оценивается, как благополучная. Мне кажется, там нет вот этого страстного противостояния именно в связи с тем, что есть ощущение, что корабль медленно, но тонет. Поэтому предложение заделать дырку консолидирует экспертное сообщество, но я не знаю, хорошо ли это для страны, когда вот такой признак наступает.

И я согласен с тем, что то, что сделал ИНСОП, не находится в прямом противостоянии с разработками – даже не может находиться – в рамках программы «Стратегия 2020», знаете почему? Мне кажется, люди, которые извне смотрят на этот процесс, вообще не очень представляют себе конструкцию этой программы. Там нет программы, там идет разработка различных стратегий и сценариев. Как удачно сказал Владимир Мау, это «кубики, из которых будущее правительство России может складывать те или иные программы». Это не программа и не стратегия. Поэтому там есть, прописывается, мы пытаемся, по крайней мере, прописать разные стратегии и разные сценарии, в том числе те, которые близко лежат к идеологии ИНСОРа, и я убежден, что наработки доклада ИНСОРа, могут быть крайне полезны для некоторых из этих сценариев.

Поэтому в чем же все-таки специфика ИНСОРовской разработки, ценность и задача продолжения? Я соглашаюсь с моим уважаемым тезкой, Александром Александровичем, что ИНСОП хорош уже тем, что он провоцирует обсуждение вопроса, но он не только провоцирует. ИНСОП ставит те вопросы, которые не ставятся в других системах координат. Почему? Напомню: в чем была драма так называемой программы Грефа, то есть программы реформ первого путинского срока? В том, что там были разделы, которые связаны с судебной системой, с изменением институтов.

Но они куда-то делись, потому что правительство определилось тогда, что будет заниматься социально-экономическим развитием.

Вообще говоря, такая же даже не дилемма, а ловушка существует и в нынешней разработке по программе «Стратегия 2020», потому что компетенция Правительства Российской Федерации – социально-экономическое развитие. Пардон, а как это делать? И на это обратил внимание в обсуждении, между прочим, Герман Оскарович Греф. Он говорит: «А как макроэкономисты будут считать без военных бюджетов? А как мы, микроэкономисты, институциональные экономисты, будем работать над бизнес-климатом без судебной системы?» Судебная система не имеет отношения к полномочиям правительства, к социально-экономическому развитию и так далее, и так далее. Это невозможно! Вот опять получится нечто кастрированное, где неплохие пожелания и частичные разработки не дадут сколько-нибудь серьезного устойчивого результата.

Так вот, ИНСОП ставит вопросы про, я бы сказал, внеэкономические условия экономического развития. И речь идет не только о политических институтах, кстати, а, например, о культуре. Не в плане постановок Министерства культуры и отрасли, не в этом плане. Поэтому мне представляется, что эту линию ИНСОРа стоило бы очень серьезно продолжать. Это его лидерская позиция, ИНСОРа, в постоянном формулировании вот этой самой повестки.

И второй момент, связанный с соображениями про будущие работы ИНСОРа. Четыре года вот этот цикл описанный, он все-таки заставляет обобщать, где и почему не получилось то, что могло получиться.

Посмотрите, что произошло с четырьмя «И». Ведь программа-то, на мой взгляд, совершенно правильная. Вот четыре «И» – это очень точная постановка вопроса. Но для того, чтобы менять институты, нужно иметь политическую силу. Я рассчитываю, что президент Медведев нарастил политическую силу и политический опыт, который позволит ему менять институты, я рассчитываю на это. Но в 2008 году реально этого не произошло. То есть, была заявка, но этого не произошло.

В результате с инфраструктурой – вторым элементом – возникли понятные проблемы, который формулируются простыми русскими словами: разворуют! Конечно, разворуют, если не менять институты, то разворуют много из того, что вкладывается в инфраструктуру, хотя я по-прежнему полагаю, что во время кризиса нужно было вкладываться в инфраструктуру, это было эффективно, это могло дать хороший мультипликатор и отличные институциональные последствия.

С инвестициями понятно – кризис унес многие возможности и до сих пор не вернул, при плохой институциональной среде и не очень вернет. Остались инновации, в результате чего российская модернизация началась, как проектная, как мобилизация под 38 проектов.

А что делать? Импортировать, импортозамещать, покупать предприятия за рубежом, или еще что-то такое делать? А как оценивать?

Фактически мы вернулись к операциональным решениям в духе тех институциональных подходов, которые ИНСОП предлагал в 2007-2008 годах.

Поэтому просьба, уважаемые коллеги: во-первых, действительно своя повестка, связывающая экономику – потому что в ИНСОПе много людей, хорошо понимающих, как развивается экономика – с неэкономическими условиями развития. А во-вторых – операциональность. Потому что как только такая операциональность возникает, я думаю, у российской модернизации появляются несколько более высокие шансы. Спасибо, коллеги.

Игорь Юргенс. Александр Александрович, спасибо. От ФНПР мы получили наиболее резкую критику и поэтому ценную. Вам слово, пожалуйста.

Нина Кузьмина (заместитель Председателя Федерации независимых профсоюзов России). Мы оцениваем этот доклад не с позиций каких-то партийных или идеологических, а сугубо прагматических. И предварительно несколько штрихов к текущей ситуации.

Авторы доклада тоже в начале выплескивают на читателя массу частных примеров. Итак: «Токарь четвертого разряда – победитель регионального конкурса профессионального мастерства; в кризис была зарплата 3 тысячи рублей. В прошлом году по четвертому разряду один раз набежало 19 тысяч. Но по четвертому разряду работу дают редко, оборудование не позволяет, станок 1976 года выпуска. А по второму разряду один час работы стоит 35 рублей, в месяц обычно 5-6 тысяч набегает, со сверхурочными – 12».

Еще пример: «Москва, федеральный НИИ. В зарплатной ведомости инженера-исследователя в марте – 4 тысячи 970 рублей». Еще пример: «Орловщина. Сдельная зарплата фрезеровщика шестого разряда – 9-12 тысяч. Электромонтажника шестого разряда – меньше 10 тысяч. Инженер-технолог с шестилетним опытом работы и заработной платой 8 тысяч».

Вакансии рабочих профессий – а недавно Дмитрий Анатольевич очень серьезно занимался вопросами подготовки рабочих кадров – вакансии рабочих профессий, выставленных на портале работа в России того же порядка. Редкое исключение – 20-25 тысяч, – хотя это тоже не деньги, если один дизайнер стоит столько же, сколько няня, ткачиха и токарь шестого разряда. Дизайнер – хорошая профессия, но все равно здесь что-то недодумано, потому что на одних дизайнерах Россия тоже не продержится. Средняя зарплата врачей и учителей во многих регионах 8-10 тысяч. Работников культуры – 5-7 тысяч. Это, между прочим, люди, которые определяют качество рабочей силы на многие десятилетия вперед.

Вот тут все такие умные сидят не только от Гарварда, и не столько от Гарварда, сколько вот от той классической континентальной системы образования, которая сформировала качественный фундамент, формировала личности. И полеты в космос подготавливались культурно, а не технически.

А теперь от частного к общему. Средняя начисленная зарплата, это вместе с высокооплачиваемым управленческим персоналом – это три

прожиточных минимума трудоспособного человека. Медианная зарплата по России в целом – это та, больше которой и меньше которой получает одинаковое количество работников – порядка двух прожиточных минимумов. Прожиточный минимум, я напомним, это тот убогий, который был навязан нам МВФ в начале 90-х годов, и с тем пор пару раз слегка припудренный.

Более половины фонда оплаты труда приходится на 20% высокооплачиваемых работников, далеко не всегда настолько эффективных. Это, кстати, устойчиво фиксируют статистические обследования. Вывод: 80% наемных работников в стране вынуждены продавать свою рабочую силу по цене ниже ее «себестоимости», и это целенаправленная политика.

Результат тот же самый, как если бы бизнес заставляли продавать результаты производства по цене ниже себестоимости. Разорение. Здесь имеем то же самое.

Ну, то, что коэффициент дифференциации продолжает расти, я уже не обращаю на это внимание, поэтому цитата из доклада: «Мы рискуем получить в одной стране две общности, живущие с принципиально разными картинами происходящего». Мы очень много ездим по стране, бываем не только в Новосибирске, Ульяновске, Москве, Санкт-Петербурге, но и в Нижнем Тагиле, Гаврилов-Яме и так далее, и так далее, и так далее. Вообще-то мы уже получили в одной стране две разных общности с принципиально разными схемами восприятия действительности. И манипуляция сознанием тут совершенно ни при чем. Просто одни с работы домой – пешком или давятся в общественном транспорте, а другие с работы домой, в Лондон, на самолете. И вот если вы думаете, что в Нижнем Тагиле, Гаврилов-Яме об этом не знают, то это вы зря. И мифами об инертности людей нельзя себя убаюкивать.

Что предлагается в докладе и против чего профсоюзы выступили очень резко, может быть, даже эмоционально? То, что минимальный размер оплаты труда является формой поддержки в отношении низших классов – это страница 178. Это означает, что в части оплаты труда предлагается следовать тем же деструктивным курсом.

Ну, сами «низшие классы» – это вообще отдельная тема, к ним вообще получается, нужно причислять врачей, учителей, музейных работников, и ту женщину – победителя конкурса регионального профмастерства, у которой бывший муж алименты не платит, так она еще дочь воспитывает и ухаживает за больной матерью. С таким «приданным» она не может даже уехать никуда в поисках лучшей доли, как ей советуют. Жизнь и судьба таких людей, в общем-то, не уникальны. И «низшими» они стали вот в результате этих 20 лет. И нет никаких оснований полагать, что дальнейшая такая политика вдруг обернется приращением человеческого потенциала.

У нас сегодня два инструмента формирования оплаты труда в стране. Это государственное регулирование минимального размера оплаты труда, минимального размера доплат, надбавок за работу в условиях,

отклоняющихся от нормальных, и коллективно-договорное урегулирование. Но коллективно-договорное урегулирование отталкивается от заведомо заниженной базы.

Вот в одном интервью Игорь Юрьевич (Юргенс) сказал, что видит свою задачу в придумывании на перспективу чего-нибудь разумно-сумасшедшего. Игорь Юрьевич, мы просто предлагаем не придумывать что-нибудь разумно-сумасшедшее, а сделать что-нибудь фантастически прагматическое, и это достаточно просто.

Первое. Минимальный размер оплаты труда – это не пособие по бедности, это нижняя планка вознаграждения за труд в нормальных условиях, устанавливаемая законом. И с точки зрения системного анализа – системный анализ, это как раз формализованный здравый смысл – эта планка не может быть ниже минимального потребительского бюджета. В текущих ценах, для справки, это 15-16 тысяч. При этом простой труд не менее важен для общества, чем сложный. Вот тут спор так же глуп, как спор, что важнее – клетки головного мозга или клетки прямой кишки. Попробуйте, докажите обратное.

То есть, и неквалифицированному работнику зарплата должна позволять не только осуществлять воспроизводство рабочей силы, но и накопление ее качества. Это значит, что часть заработной платы работника должна составлять накопления семьи работника, а не только тратить все на текущее потребление, текущие платежи и налоги.

Ну а нижняя планка цены высококвалифицированного труда, мы с ней согласны, она у нас определена законодательно – это от двух миллионов рублей в год. Так у нас прописано в законе о правовых основах иностранных граждан в Российской Федерации. Нижняя планка 2 миллиона рублей в год, или 160 тысяч рублей в месяц.

Вот если я правильно понимаю, это относится и к сталеварам, и к фрезеровщикам, и к учителям высшей квалификации, не правда ли? И заработная плата должна быть не последним пунктом планирования проектирования, а исходным, первым, если мы говорим об определяющей роли человеческого фактора.

Вообще, если узнаешь, как борется за жизнь вожделенная государством многодетная семья, просто волосы дыбом встают, и ни за что не поверишь, что общество делает все возможное для того, чтобы детей рождалось больше. Для справки, цифра: на содержание одного ребенка в детских домах в год выделяется 700 тысяч рублей. А каков размер пособий семьям с детьми даже в сумме с материнским капиталом? Время от времени в СМИ появляются истории о том, как у непьющих родителей забирают детей в приюты. И судьбы вот этих семей не уникальны в своей чудовищности.

Кстати, у нас есть своя гипотеза по поводу того, почему снижается привлекательность Российской Федерации для иностранных инвестиций. Низкое качество рабочей силы, признаем. И это все снижается. Но дело в

том, что вот это снижение, невысокое качество рабочей силы, опять под собой имеет вполне определенную экономическую основу – бедность населения.

Еще одна проблема очень важная – это неопределенность в совместном управлении разного рода фрагментами социальной сферы. Вот особенно если посмотреть, сколько реформ и какой направленности в последнее время пережили и переживают эти отрасли. Ключевое слово здесь – «координация». Но оно законодательно не определяется. Мы говорим о распределении полномочий, разделении функций, ответственности. Что такое координация при всем при этом никто не вспоминает.

Следующая тема – миграция. Власть наконец разглядела, кажется, что у нас поток внешней трудовой иммиграции иссякает. Граждане стран СНГ выбирают для работы страны Западной Европы, Турцию, Казахстан, только не Россию. Даже из нефтегазоносных регионов наметился миграционный отток. Граждане из Таджикистана, таджики и узбеки, стараются получить русское гражданство вовсе не для того, чтобы остаться в России, они хотят уехать в Узбекистан. Потому что между Таджикистаном и Узбекистаном заминирована граница, они хотят перебраться из своей страны в Узбекистан.

В общем, власть опять обратила внимание на необходимость развития межрегиональной миграции. Я напому, что это не первая попытка выправить ситуацию с трудовыми ресурсами в России. Была государственная программа по содействию переселению соотечественников. Провалилась. Почему? Потому что непосредственные заботы по переселению и обустройству легли на местные органы власти, для которых эти функции не были прописаны законодательно. Отсюда много всяких разных проблем.

Кризис. Запустили программу содействия переезду из трудоизбыточных регионов в труднедостаточные. Она тоже провалилась. Эта программа финансировала переселение в очень небольшом объеме – оплата проезда и оплата не более шести месяцев съема жилья. Но, поскольку работа была только в крупных городах, то съем жилья там был гораздо дороже, чем это предполагалось компенсацией.

И в отношении новой программы, которая сейчас обсуждается, готовится законопроект в Министерстве здравоохранения и соцразвития. У меня тоже нет оптимизма даже, если отвлечься от этнокомпонента. Во-первых, стимулировать переезд нужно туда, где создаются новые рабочие места, продолжают создаваться. Таких регионов в нас кот наплакал, несмотря на великие стройки капитализма. Во-вторых, люди согласны переезжать только в том случае, если им предложат зарплату в разы выше. Это уже как бы не наши исследования, это исследования Росстата и Роструда. Понимаете, люди не дураки, они сами переезжают туда, где достойные условия жизни, достойные рабочие места с достойной зарплатой. И, в-третьих, я не верю, что Минфин согласует необходимый размер подъемных. То есть, самая большая проблема – нестыковки в решениях и действиях органов власти.

Не отвечая на вопрос «кто виноват», точнее, имея его в подсознании, мы предлагаем уточнить ответ на вопрос или ту часть ответов на вопрос «что делать» вот насчет заработных плат. Вообще бездумное копирование американских социальных, экономических и политических институтов – это я уже транслирую точку зрения простых людей – создает определенный устойчивый образ нашей власти, как марионетки американского режима.

Да, и чуть не забыла похвалить: название хорошее, название надо оставить – «Обретение будущего». А для этого нам нужны решения и дела, которые исходят из нужд большинства и позитивно отражаются на жизни большинства. И спасибо вам большое за терпение, с которым вы выслушали другую позицию. Спасибо.

Игорь Юргенс. Спасибо большое. Передаю слово Малевой Татьяне Михайловне, которая является автором соответствующего раздела нашего доклада.

Татьяна Малева (директор Независимого института социальной политики). Спасибо. Уважаемые коллеги! У меня не будет отдельного выступления, я просто хотела прокомментировать то, что мы услышали и те вопросы, которые достаточно в агрессивной форме профсоюзы нам задавали через средства массовой информации до сегодняшней конференции.

Строго говоря, у меня сложное положение, потому что очень многие вещи, которые прозвучали сегодня... в данном случае я даже себя не могу назвать оппонентом этих посылов, потому что все, что связано с описанием вот такого феномена, с которым мы имеем дело в России уже на протяжении долгих лет, феномен, который называется «работающий бедный» – здесь и спорить-то нечего, поскольку, скажем так, профиль российской бедности, который отличает Россию от очень многих других стран мира как раз заключается в том, что в России бедные – не традиционные группы, которые по определению, и которые бедны в разных экономических условиях, в разных страновых условиях, и мы эти группы знаем, но в России действительно большую часть бедных составляют абсолютно нетрадиционные группы – это в первую очередь работающие бедные. Половину приблизительно бедных в стране занимают работающие бедные.

И вторую очень весомую часть составляет такая социальная группа, которая тоже ни при каких обстоятельствах не должна была бы быть бедной, и особенно в России, в стране, которая за выход из демографической ситуации, очень значительную часть бедности составляют семьи с детьми. Там риски бедности для семьи, у которой есть просто два ребенка, вот они уже составляют половину. Здесь я могу только сказать, что я рада, что многолетние исследования, которыми занимался наш институт (Независимый институт социальной политики), который, скажем так, открывал глаза на то, что семьи с детьми – это и есть самая уязвимая социальная группа, что сейчас это уже осознано всеми, что здесь я могу только сказать спасибо за правильную постановку вопроса.

Но как только мы задаемся вопросом, в чем именно был стратегический промах – не конкретные решения, мы всегда можем сказать, что недофинансировано то-то, то-то и то-то, но у всех этих болезней есть системная проблема, есть системные корни в появлении такой хронически упрямо воспроизводящейся группы, как работающие бедные. Напомню, что мы даже за эти 20 лет пережили несколько этапов экономического цикла: длительный затяжной спад 90-х, потом бурный расцвет восьмилетний, с бурными темпами экономического роста, затем кризис и вновь падение, а группа работающих бедных у нас не исчезала и не меняла своей конфигурации. Значит, этот феномен не случаен.

Он действительно не случаен. Он не случаен потому, что на рынке труда действуют экономические законы. При очень скромном росте ВВП, при очень скромном росте производительности труда здесь закон, который не может отменить ни одна экономика мира. Рынок труда балансируется в двух случаях – либо за счет занятости, либо за счет заработной платы. Поэтому либо поддержание высокого формального уровня занятости с низкой заработной платой, либо допущение большого роста безработицы при этом тогда можно было бы избежать меньшего снижения заработной платы.

Так вот, российский рынок труда на протяжении всех 20 лет пошел по первому сценарию – поддержание высокого формального уровня занятости имело своим следствием, что за все это расплачивалась заработная плата. Вот почему это не случайно. Вот почему, когда даже страна переходила на стадию экономического роста, решить эту проблему было нельзя. Доход населения и заработная плата не могли расти такими же темпами, хотя в тот период они даже опережали темпы роста ВВП. Но вывести значительные группы работающего населения из зоны бедности – это было невозможно.

Вот почему в наших предложениях мы, конечно, не могли обойти стороной этот вопрос, и мы ставим вопрос именно таким образом, что при поддержании такой конфигурации рынка труда мало что мы сможем изменить. И это вопрос не просто регулирования минимальной оплаты труда, это не вопрос частных нормативных актов, это вопрос стратегического выбора. Сейчас, во время кризиса, мы имели ситуацию, ровно подтверждающую наши опасения, что во время кризиса все ресурсы государства были брошены на снижение безработицы, но не на повышение эффективной занятости. А между низкой безработицей и высокой эффективной занятостью есть большая разница. Поэтому самое главное, что предлагает ИНСОР, и также многие другие эксперты, которые разделяют опасения, что без повышения эффективности рынка труда вряд ли мы можем говорить о социальной модернизации, вообще об инновационном развитии, это действительно переход стратегически от политики низкой безработицы к политике эффективной занятости. Еще раз говорю: это совершенно разные вещи. В одном случае это регулирует несколько процентов экономически активного населения, которое находится в состоянии безработицы, это 2-3% экономически активного населения, в другом случае – это регулировать

занятость всех остальных, это 97% экономически активного населения. Государство у нас занималось первым и никогда не занималось вторым. И здесь нам нечего ожидать, что что-то изменится.

И о позиции профсоюзов по поводу "низших классов". Средний класс, низший класс и класс ниже среднего – да, это вопрос, который мы как раз и обсуждаем. И вопрос не в том, что мы назначаем кого-то низшими классами, вопрос в том, что эти классы существуют. Они существуют не только в науке, хотя наука точно дает определение этой категории, они существуют в реальности, потому что речь идет не просто о бедных.

Бедность – это категория монетарная, которая означает, что у людей недостаточно, дефицит денег. Мы же говорим не только о людях, у которых дефицит монетарных средств, не только деньги, а те, которые исключены из доступа к определенным социальным благам. Вы, кстати, именно о них и говорите.

Но вопрос в том, что это не просто отсутствие нужного дохода, вопрос в том, что у людей, во-первых, нет работы, во-вторых, иногда нет жилья, нет доступа к образованию, нет доступа к здравоохранению. И это вопрос уже не прямых денег, которые чаще всего государством интерпретируются, как выплаты – давайте дадим денег. Это вопрос институтов.

И эти классы существуют не только в нашем воображении, эти классы существуют даже в воображении самих людей. Не случайно регулярные социологические опросы, которые производят очень статусные социологические агентства, показывают, что от 10 до 13% людей вот даже по тому, что я успела посмотреть за последнее время, люди добровольно сами говорят: «Мы относимся к низшим классам», – именно понимая разрыв, что они реально нуждаются не только в доступе к деньгам, они понимают, что исключены из многих процессов. Мы констатируем факт, что сегодня общество разобщено. Но то, что мы предлагаем, направлено как раз на сокращение разрыва между различными социальными группами, как выровнять эту ситуацию и как сократить социальную, доходную и прочую дифференциацию, именно это мы и сделали.

И, наконец, была попытка обвинить нас в экстремизме за термин "локализация бедности", был такой разговор. Этот термин действительно в докладе есть. Надо сказать, что авторы доклада, я, в том числе, поскольку я нахожусь в другой системе координат, мне даже в голову не приходило никогда, что локализацию можно интерпретировать как физическую депортацию или социальное гетто. Это может придти в голову только людям, которые сами пользуются такими терминами. Но дело в том ведь, что есть терминология гораздо агрессивнее даже, чем "локализация бедности". Я вам могу прочесть, что еще до кризиса была поставлена задача "ликвидации бедности среди пенсионеров". Но, видимо, эту ликвидацию бедности надо интерпретировать как физическое истребление. Но эта фраза принадлежит уже не авторам ИНСОРа, эта фраза принадлежит не авторам доклада, эта

фраза принадлежит премьер-министру Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину. Мы-то хотя бы жизнь не предлагаем отнимать...

Поэтому здесь, мне кажется, просто нежелание прочесть доклад так, как он написан. Мы готовы спорить, мы готовы понимать, что различные меры могут давать разный эффект, мы ставим эти вопросы. Мы исходим из того, что, когда мы обсуждаем будущее страны, запретных тем быть не должно. Если мы хорошо видим проблему, мы должны эту проблему понимать во всех ее проявлениях. Есть предложения ИНСОРа, мы очень рады, если будут конструктивные предложения, которые дадут толчок для других мыслей, мы ни в коем случае не считаем, что мы покрываем всю палитру возможных решений.

Более того, всю жизнь я пыталась бороться с экономическим детерминизмом вот в каком смысле, что всегда кажется, что одно и то же состояние всегда можно достичь только одним способом. Вот это не так. Желаемый результат может быть достигнут разными способами, мы только хотим сказать, что тем способом, которым достигалось это в предыдущие годы, цель социального устойчивого развития оказалась недостижима, и недостижима потому, что в основе этих процессов лежали ложные ориентиры. Об этом, собственно, мы и писали в докладе. Спасибо.

Игорь Юргенс. Спасибо большое. Я передаю слово генералу Бужинскому

Евгений Бужинский (генерал-лейтенант в отставке). Спасибо. Я надеюсь, что все здесь присутствующие просмотрели раздел, посвященный вооруженным силам. Мне хочется на это надеяться, потому что у нас, вообще-то, в обществе как футбол все смотрят и все разбираются, так и вооруженные силы – тоже все смотрят и все разбираются.

Поэтому я сразу хочу сказать, что я не согласен с докладом ИНСОРа, посвященному возможному реформированию вооруженных сил. Это не значит, что я против реформирования, но просто, с моей точки зрения, реформа должна быть, во-первых, продуманная, во-вторых, своевременная и, в-третьих, реальная, прежде всего экономически обоснованная.

Конечно, я не могу охватить все, необходимо ответить на вопрос, нужны ли России вооруженные силы, мощные, самодостаточные, и так далее, определений может быть сколько угодно. Уверен, что все скажут: «Да, нужны». Я вам больше того скажу. Вот Александр Александрович Дынкин выступал по международной проблематике, мне на заключительном этапе моей службы пришлось заниматься контролем над вооружениями, переговорным процессом с нашими партнерами, так сказать, не партнерами. Так вот, мое глубокое убеждение, вот вас слушают только в двух случаях – либо у нас за спиной, у наших дипломатов стоят мощные вооруженные силы, либо вы должны быть как Япония мощные экономически и везде, в рамках любой организации, по всем проектам всех спонсировать, а лучше всего, когда и то, и другое. Так вот, теперь хотелось бы понять, какой смысл вкладывается во все эти определения.

Весь пафос, предложенный авторами доклада, с моей точки зрения, сводится к трем основным постулатам. Вооруженные силы должны быть контрактные... Ну, вы знаете, я лично против всех этих эвфемизмов, «контрактные», «профессиональные»... Наемные. Наемным вооруженным силам, немногочисленным и построенным по образцу вооруженных сил США. Это относится прежде всего и к структуре командования – президент, Министерство обороны, Генеральный штаб выведены из цепочки командования, и максимальные полномочия для стратегических командований. Должен сказать, что подобная модель выстроена для вооруженных сил, которые ведут свои боевые действия и активно действуют на удаленных театрах, не на национальной территории. Я совершенно не уверен, что вооруженные силы России предназначены для того, чтобы действовать на удаленных театрах, где стратегическим командованиям нужен максимальный объем полномочий, без Генерального штаба.

Теперь конкретно по тем моментам, с которыми я не согласен. Первое, это отказ от мобилизационной армии. Я так и не понял, какой смысл вкладывают авторы в понятие мобилизационной армии. Если, как я понял, следовать их логике, то вооруженные силы Соединенных Штатов, кстати, тоже являются мобилизационными. Организованный резерв больше одного миллиона, все виды вооруженных сил имеют свой резерв, плюс ВВС и сухопутный компонент Национальной гвардии, резервные компоненты регулярно призываются к активной службе. В настоящее время, кстати, в вооруженных силах США проходят службу 150 тысяч резервистов. Все резервисты один уикенд в месяц и одну неделю в году обязаны быть призванными на военную службу.

Кстати, в рамках нашей реформы, которая проводится сейчас, очень многие военные специалисты не могут ответить на основе чего будет проходить мобилизационное развертывание. Кадрованные части ликвидируются, базы хранения вооружений и военной техники ликвидируются, на основе чего будет происходить развертывание, никто ответить не может.

Второе, самое главное, это формирование вооруженных сил на добровольческой основе. Вот было бы неплохо, прежде чем отстаивать этот тезис, вот посчитать, реально посчитать, сколько будут стоить контрактные вооруженные силы или наемные вооруженные силы. Оставлю на совести авторов тезис о том, что за 15-20 тысяч рублей контрактники с удовольствием пойдут служить. Я вам хочу сказать, что Борис Ефимович Немцов, когда был вице-премьером в 90-х годах, вот вы помните, проводился эксперимент в Псковской дивизии воздушно-десантных войск по переводу дивизии на контракт. Так вот, я помню, Немцов выступал у нас и говорил: «За 200-250 долларов с визгом побегут в Пскове служить, потому что там безработица, там низкие зарплаты». Прибежали. Визга, правда, не было, взяли 200-250 долларов, и через месяц убежали. И на этом все закончилось.

Причем зарплата в содержании контрактника – это не главное, главное – это тот пакет социальных льгот, которых сейчас нет. Это и жилье, вот я вам второй пример приведу. Не далее как в позапрошлом году происходил первый набор в школу сержантов на базе одного из военных училищ. Сто человек пришли учиться на сержантов. Перед ними выступает начальник училища, и рисует им, так сказать, их быт во время обучения. Как только он произнес слово «казарма», сразу поднялся гул: «Какая казарма, вы что?» Он говорит: «Да у меня курсанты, которые на офицеров учатся, вот за стенкой, живут в казарме». «Нет, мы на это не согласны. Потом, сколько будем получать?» Он говорит: «8 тысяч, как курсанты». Они говорят: «Какие 8 тысяч? Нам сказали, когда мы будем учиться, будет 18». Вот как пришло сто человек, так девяносто сразу и ушло.

Медицинские льготы. Сейчас, в рамках нынешней реформы, происходит сокращение военных госпиталей, а ведь нынешние военные госпитали были в основном предназначены для офицерского состава. Солдаты в основном, это санчасть, ну, если, в крайнем случае, что-то случится, то госпиталь. А контрактникам нужно полноценное медицинское обслуживание, причем не только контрактникам, но и членам их семей. А это все деньги.

Я не знаю, меня очень затронуло то, что один из авторов, отвечая на мои заметки, сказал, что «скотские условия службы, постоянное унижение». Вы знаете, я сорок лет прослужил в вооруженных силах, я не подвергался ни унижениям, не служил в скотских условиях. Вот у нас, к сожалению, скотские условия и унижение начинаются в школе. Я понимаю, что тут могут поспорить, но это мое личное мнение.

Вот гуманизация службы, разговоры: «Вот нужно идти по пути гуманизации службы – два выходных, никаких караулов, никаких нарядов». Даже американцы до этого не додумались. А кто будет охранять военные объекты, кстати? ЧОПы? Вот цифры я где-то прочитал, у нас в ЧОПах миллион здоровых мужчин. Но они там получают, конечно, не 18 тысяч. Вот как их привлечь в вооруженные силы, это вопрос.

Я вам должен сказать, что в мире не так уж много стран, которые имеют контрактные вооруженные силы, которые себе могут позволить иметь такие силы. Вот из стран «восьмерки» это только США, Великобритания, Япония и Канада. А в Европе из значимых стран это Великобритания, а дальше идут Бельгия, Голландия, Ирландия, Исландия, Люксембург и Мальта. И плюс смешанный принцип в четырех странах, это Германия, Франция, Дания, ну, Молдавия, так сказать, это для счета. Вот в Германии сейчас они приняли закон – о приостановлении, кстати – не отказе, а о приостановлении на неопределенный срок действующей юридической нормы об обязательной воинской повинности, и уже начались трудности. Вот в апреле они запланировали призвать 3 тысячи контрактников, пока призвали 306. А вот такие государства, как Австрия, Швейцария, скандинавские страны имеют армию по призыву, причем обосновывают это тем, что их

вооруженные силы предназначены не для ведения боевых действий на удаленных театрах, а для защиты национальной территории.

Далее. Морально-волевые качества контрактника или наемника, кстати, тоже не очень высоки. И я вам тоже должен сказать, что это продемонстрировал и американский опыт, у меня одна только цифра, что с 2005-го по 2008 год из Ирака дезертировало 11 тысяч человек контрактников, дивизия. Наша Чечня вторая тоже продемонстрировала, кстати, «9-я рота» всем известная, это не контрактники, это призывники, а контрактники старались, так сказать, особо под пули не лезть. И вообще, ни одна наемная армия и в новой, и в новейшей истории не показала своих боевых преимуществ перед армией по призыву. Я не беру, конечно, современные войны Соединенных Штатов Америки с Ираком, с Югославией, когда все, так сказать, подвергается тотальной бомбардировке, и потом... Это не то.

Теперь по поводу ядерного оружия. Авторы напирают на то, что главная опора – это ядерный щит, это ядерное оружие, на время реформирования... Я вам должен сказать, что абсолютизировать ядерное оружие не стоит. Как средство сдерживания – да, как средство устрашения – да, но как средство, например, отражения широкомасштабного наступления – не доказано, нет такого опыта. Было моделирование, но тоже, так сказать, оно очень приблизительное. Поэтому надеяться на то, что сам факт обладания Россией ядерным оружием остановит любого – не факт.

Третий вопрос, на котором я хотел бы остановиться, это оборонная промышленность. Я вот после увольнения из вооруженных сил работаю в одном из концернов. Мне не очень понятно, что имеют в виду авторы, когда пишут что нужно отказаться от финансирования приоритетных проектов, отказаться от государственной программы вооружения, отказаться от производства всего спектра, это что имеется в виду? Что, закупать за рубежом? Ну, тогда нужно отказаться и от ядерных сил сдерживания, потому что производить только какие-то точечные средства разведки и управления, о которых пишут авторы, это далеко не все. И, кстати, старые автоматы и старые артиллерийские системы сейчас никто не производит, разве что по экспортным контрактам, а новые производить надо и разрабатывать новые образцы вооружения надо, и вообще, вооруженные силы должны быть самодостаточны в максимальной степени.

А проблема нашей оборонной промышленности – не то, что у нас там колхозы какие-то лежат на боку. Да, лежат на боку, да, в концерне каком-нибудь есть предприятия, которые лежат. Но, к сожалению, в рамках кооперации это лежащее предприятие выпускает несколько критических компонентов. Либо нужно переносить производство в другое место, либо поднимать это предприятие.

И вторая самая главная проблема в нашей оборонной промышленности. Вот представитель профсоюза здесь выступал, там хоть где-то есть токари высшего разряда, а вот те опытные производства, которые

я посетил, да, есть токарь шестого разряда, но ему 73 года. Либо 30-летние, до 30 лет, а промежуток с 30 до 50-60 – нет. Все менеджеры.

Четвертый вопрос. Вот почему-то авторов поразила цифра 19 триллионов рублей, которые предусмотрены на ближайшие десять лет на ВПК. Во-первых, не факт, что они будут, ну, цифра не такая уж большая, приблизительно 65 миллиардов в год. Я не знаю, что там после выборов будет, будет ли финансирование, не будет финансирования, тут очень много сейчас произносится, что и зарплата средняя будет у нас как в Европе, по 3 тысячи евро, и офицер будет получать минимум 50 тысяч, и полицейский будет получать минимум 40 тысяч, я не знаю, я еще Кудрина по этому вопросу не слышал. Вот высшее руководство говорит, а вот Кудрин почему-то молчит.

И я завершаю. Ну, по внутренним войскам, тут авторы тоже по внутренним войскам, во-первых, по численности, они 40% вооруженных сил авторами мыслятся, что вообще ненормально, и во-вторых, авторы считают, что внутренние войска должны подавлять все внутренние конфликты. Да, это голубая мечта внутренних войск и всех их командующих, кого я знаю, иметь на своем вооружении все, начиная с боевой авиации и кончая тяжелыми вооружениями, потому что Чечню автоматным огнем вы, к сожалению, не победите, и опыт это показал.

И в заключение. Меня очень, так сказать, резанул тезис в докладе, что в оптимистичном сценарии происходит решительный разрыв со всей сформировавшейся за три столетия российской военной культурой. У нас такой разрыв уже происходит в нашем образовании, вот если сюда еще подсоединить полный разрыв с традициями российских вооруженных сил, мы получим, так сказать, вот такой сбор наемных ребят, слабо образованных, но успешно сдавших ЕГЭ. Спасибо.

Игорь Юргенс. Спасибо большое. По сложившейся традиции, ответ авторов ИНСОРа. Александр Гольц, пожалуйста.

Александр Гольц (военный аналитик). Я очень благодарен генералу Бужинскому, поскольку последние 15 минут мы слышали очень внятное, очень четкое изложение тех аргументов, которые обычно представляются оппонентами на либеральный, или, хотите, англосаксонский взгляд на строительство вооруженных сил.

Договоримся для начала о терминах. Массовая мобилизационная армия. Я должен сказать, что если использовать риторический прием «от городского», то, в общем-то, обсуждать нечего, поскольку в своем докладе, выступлении в Академии военных наук начальник Генерального штаба Макаров использовал этот термин в описании того, от чего отказывается ныне российская армия. Массовая мобилизационная армия – это, конечно, не американская армия, это армия, которая в предвоенный период в состоянии призвать, как планировалось в Советском Союзе, 4-8 миллионов человек. И, собственно говоря, вся система призывной армии существует для того, чтобы обеспечить эту возможность. Призывная армия, прежде всего прусская

призывная армия, и создавалась как средство подготовки резервистов, которых можно быстро собрать и не держать в мирное время.

Смысл призывной армии в настоящее время утерян. Весь организованный резерв у нас планируется 700 тысяч человек. Бывший главком сухопутных войск говорит о том, что нам нужно иметь 60 бригадных комплектов, это не больше 300 тысяч человек. Спрашивается, зачем планировать прогонять каждый год 750 тысяч призывников через вооруженные силы, для того, чтобы в итоге в случае войны призвать всего 700 тысяч? Ну, не только же сухопутные войска.

Далее. С момента создания Федеральной целевой программы по частичному переходу на контракт, представители российского военного генералитета периодически режут правду-матку в глаза и говорят: «Какие контрактники, какие добровольцы? Наемники, вот правильное слово». Я позволю себе заметить, что документы ООН очень ясно определяют, кто такой наемник. Это человек, который воюет в чужом государстве, из коммерческих интересов, и чье жалование в несколько раз превосходит зарплату местного военного. Вот кто такой наемник. Это делается не случайно, потому что очень не хочется признавать, что система призывной армии в России фактически зашла в тупик, и здесь прав Анатолий Васильевич Квашнин, который в бытность свою начальником Генерального штаба как-то сказал, что «подвели нас бабы, товарищи». Немыслимо создавать призывную армию в условиях, когда 18-летнего возраста достигают 600 тысяч юношей, и это будет длиться до 2025 года. Это все подобно известному анекдоту про генерала, который не встретил Наполеона пушечными залпами, он сказал: «У меня есть 33 причины, почему я не сделал этого». «Ну, назовите хоть одну». «У меня не было пороха». «Не продолжайте дальше», – сказал Наполеон. Понимаете, нет людей для того чтобы формировать миллионную армию, ни призывную и ни контрактную, поэтому самой актуальной задачей военного строительства на сегодняшней день, как мне кажется, было бы честное признание того, что Россия не может иметь миллионную армию. Можно приводить какие угодно расчеты, что эти бригады прикроют, что они не прикроют, нет такого количества людей, точка.

Кстати говоря, в том же выступлении в Академии военных наук начальник Генерального штаба порадовал нас тем, что фактически, если еще несколько месяцев назад все военные руководители Российской Федерации говорили: «Мы отказались от Федеральной целевой программы, мы отказываемся от контрактников, нам достаточно 100 тысяч контрактников на критических должностях, на сержантских должностях, все остальное будет призывное», то в конце апреля все сменилось на прямо противоположное. В этом смысле доклад отразил тенденции, и теперь в российской армии будет 425 тысяч контрактников. Прибавьте 150 тысяч офицеров – вот вам контрактная армия, которой более чем достаточно. И 10-15% численности призывников, только, опять же, придут добровольно, чтобы посмотреть,

могут ли они стать контрактниками. Вот та модель, которая, простите, уже вроде бы реализуется, так что спор здесь, по-моему, уже закончился.

О скотских условиях. Скажите, в скольких российских казармах есть горячая вода? Я вам скажу, в 10%. Это не мои данные, это данные социологического центра Генштаба.

Евгений Бужинский. Не надо.

Александр Гольц. Почему же не надо?

Евгений Бужинский. Социологический центр Генштаба, там горячая вода... Ну о чем вы говорите?

Александр Гольц. Да-да-да, они проводили опрос, почему провалилась Федеральная целевая программа. Потому что помимо жалованья люди действительно хотят жить в нормальных условиях. И это правда. Но при этом никто никогда не выяснял, и это, увы секретно, сколько стоит система призыва, сколько стоит перемещение, теперь уже два раза в год, гигантских масс людей из одной точки страны в другую, сколько стоит спаленное абсолютно бессмысленно, как мы сейчас понимаем, вот все, что называется боевой учебой, это, если я не путаю, 50-60 миллиардов рублей в год, все это палится совершенно бессмысленно, вы учите этих людей военной профессии, не предполагая призвать их в случае войны, это ненужное знание получается.

Гуманизация службы. Когда я писал о гуманизации службы и о гуманитарной части образования, мне в голову, ровно как и коллегам, которые писали социальный раздел, не приходило, что люди, которые прочтут это, скажут: «Ха, гуманитарный аспект воинской службы. Вы хлюпиков собираетесь воспитывать?» Да не об этом речь. Если речь идет о подготовке офицеров, то гуманитарная составляющая военного образования имеет целью прежде всего дать офицеру понимание современного мира. Посмотрите, по каким учебникам так называемой политологии учат сегодня в наших военных академиях и в наших военных институтах. Это чудовищная смесь националистической бредятины со всей другой. Это чрезвычайно опасно. Поэтому необходимо дать внятное понимание мира.

Гуманитарное образование, кроме всего прочего, это еще и иностранные языки, и я знаю, что министр обороны делает ставку в пересмотре программ образования на глубокое изучение иностранного языка, это чистое повторение немецкой системы, прусской системы, когда офицер должен был самосовершенствоваться всю свою жизнь.

Ядерные силы. Здесь мы подходим, может быть, к главному аргументу критиков этого доклада. Они говорят: «Вот вы предполагаете опору в защите страны делать исключительно на ядерные силы, а непонятно, как их использовать во время войны». Штука в том, что если мы имеем в виду государства, которые могут совершить агрессию в отношении России, то речь не идет об использовании ядерных боеприпасов в боевых действиях, речь идет о возможности ядерного возмездия. Как написано в нашей военной доктрине, Россия вправе использовать ядерное оружие в случае если речь

будет идти об угрозе ее существованию и так далее. Значит, это означает, что некая страна К., которая будет планировать нападение на Россию, будет исходить из того, что в случае войны Россия не будет наносить ударов по дивизиям, наступающим в районе Забайкалья, она нанесет удар по городам, где сконцентрированы все успехи, все экономические успехи и достижения страны К., вот какой будет выбор.

Уже существующее: спорят о том, что мы написали, 400-500-тысячная армия, этого хватит на 35 бригад. Послушайте, сейчас в российских сухопутных войсках 70 бригад. Будет в будущем до ста. Так вот, если иметь в виду размеры вооруженных сил и мобилизационные ресурсы страны К., то что 35 бригад, что 70, никакого значения не имеет. И совершенно, более или менее очевидно, что нынешние планы развития наших вооруженных сил предполагают – это не ИНСОП написал, это Генштаб написал – предполагают, конечно же, использование обычных вооруженных сил только в локальных конфликтах, размера грузинского или чуть побольше. Да, это опасная история, потому что мы понижаем порог использования ядерных сил, но другого выхода в сложившейся ситуации нет.

И, наконец, последнее, царапнувшее генерала Бужинского... Это вполне осознанная вещь, которую я написал, о разрыве с трехсотлетней российской военной культурой. Я не о Суворове и не о Кутузове, я о том, что триста лет в России военная служба была налогом, тяжелым, может быть, самым тяжелым налогом, который государство накладывает. Этот налог серьезным образом деформировал взаимоотношения гражданина и государства, он серьезным образом изменил в целом культуру российского народа, если брать в широком смысле слова и, конечно же, он самым пагубным, на мой взгляд, образом отразился на русской военной культуре. «Бабы еще нарожают», это же не ИНСОП придумал, это великий князь придумал. Метод ведения боевых действий, когда солдат живет один день, один бой, а танк производит один выстрел – это не ИНСОП придумал, такова была стратегия Советского Союза долгие годы. И эта стратегия была рождена именно возможностями, которые давала массовая мобилизационная армия. Вот если хотите пафос этого доклада состоит в том, что военная служба наконец должна стать профессией и перестать быть налогом.

Игорь Юргенс. Спасибо большое. Не надо представлять Евгения Григорьевича Ясина. Мы очень благодарны ему за все четыре года совместной работы.

Евгений Ясин (научный руководитель Научно-исследовательского университета - Высшая школа экономики). Спасибо. Я хочу сказать своё мнение о предложенном документе. Там, конечно, масса есть всяких пунктов, по которым можно спорить. Но в целом, на мой взгляд, это документ очень хороший, добротный, продуманный, и самое главное, что мне представляется важным, он правильно определяет основные направления развития российской экономики на современном этапе после, с одной стороны, восстановительного роста после кризиса 1998 года и после второго

кризиса 2008-2009 годов. Вы знаете, что поставлена задача модернизации, поставлена задача какой-то новой модели экономического роста. На мой взгляд в работе «Обретение будущего», подготовленной ИНСОР, эти задачи решаются правильно. И поэтому, на мой взгляд, принципиальных различий с другими документами авторитетных коллективов я не вижу. Я лично согласен с тем, что там написано. Есть определенное сомнение, так сказать, как бы приписать ИНСОР президенту Медведеву, то есть как-то персонифицировать его, и как бы тем самым создать некий противовес тому, что, скажем, делает другая группа, которая занимается "Стратегией-2020", которая приписывается инициативе премьер-министра Путина. На самом деле я должен сказать, что с точки зрения тех людей, которые работают над этими документами, этого различия мы не делаем. Мы стараемся осознать проблемы, с которыми сталкивается страна, которые требуют решения, и это основные вопросы, и по этим основным вопросам у нас нет принципиальных разногласий.

На что мне хотелось бы обратить внимание. Главные пункты, которые для нашей будущей экономической политики мне представляются совершенно необходимыми – это либерализация экономики, ограничение роли государства, в том числе регулятивной роли государства. Анализ целого ряда рынков показывает, что там эта роль чрезмерна, что приводит к негативным последствиям уже давно. И, во-вторых, это решение тех проблем за пределами экономики, которые имеют принципиальное значение для развития. Это прежде всего политические проблемы. И можно сказать, что есть как бы такое разграничение: давайте правительство будет заниматься экономическими проблемами. Политические проблемы – это скорее дело администрации президента, я не знаю, кого ещё, но, по крайней мере, такая линия была в 2000 году, когда рассматривали программу Грефа. Из неё вынули всё, что касалось политико-правовых вопросов, передали в администрацию, и там это всё благополучно заглохло. В настоящее время, я полагаю, мы не можем определить новый облик экономического роста, не затрагивая эти вопросы. То есть я не исключаю того, что будет по подготовленным документам снова произведено определенное усекновение, но мы должны понимать, что без существенных изменений за пределами экономики, прежде всего в области политической системы и правовой системы, мы такую новую модель построить не можем. Потому что она должна, для того чтобы мобилизовать новые источники экономического роста, действительно, это правильно, что старые уже исчерпаны, значит, мы должны мобилизовать активность бизнеса, и мы должны мобилизовать в бизнес новые силы, которые вот стали активно заниматься предпринимательством. И, соответственно, повысить и все остальные виды трудовой активности, творческой активности, которые работают на рост экономики.

Дело не в том, что хотелось бы это сделать. Дело в том, что реально возможности экономического роста в ближайшие годы будут ограничены.

Наши расчеты показывают, что максимальные средние темпы роста за длительный период в России будут не более 4% в год. Есть, я знаю, масса более оптимистических прогнозов. Некоторые упоминают и то, что мы должны вернуться к тому, что мы видели накануне последнего кризиса. То есть я просто для примера скажу, для прояснения скажу, что рост в масштабе 7,3% в год, который мы наблюдали в последние годы – этот рост был обусловлен на 2,2% приростом трудовых ресурсов. Значит, на ближайшие десятилетия нам обеспечено снижение трудовых ресурсов по 1% в год. Учитывая то, что рост производительности составлял 5,2% в год, значит, если мы сохраняем эти 5%, вычтите 1%, арифметика не слишком сложная – вы получите то, что мы реально можем получить в смысле роста экономики. Я говорю в среднем. И при том условии, если уровень деловой и различной всякой творческой активности в стране будет находиться примерно на том же уровне, как он находился в последние годы и как он находится в настоящее время. Значит, нет вопроса о том, сможем, не сможем, мало нам это или много. Вопрос такой, что это до некоторой степени объективное определение. Что бы вы ни говорили, мы должны, так сказать, укладываться.

Если поставить вопрос, а можем ли мы при этих условиях обеспечить экономический рост? Я думаю, что, во-первых, мы должны ставить задачу: не экономический рост в целом, а экономический рост валового внутреннего продукта на душу населения, и мы должны решать прежде всего задачи роста производительности. Если эти задачи решаются, то можно обеспечить и положительные темпы экономического роста. На каком-то отрезке времени, когда мы достигнем наиболее благоприятных условий для активизации всех наших творческих предпринимательских сил, рабочей силы, мы можем достичь и более высоких темпов. Но мы должны понять, что наша задача сегодня реально – приблизиться к технологической границе, к границе технологических возможностей сегодняшних. Это реально достигается в основном за счёт роста производительности, роста эффективности. Поэтому я хотел бы предупредить против глобальных проектов, строительства больших заводов и так далее и тому подобное. Такого рода призывы сегодня иногда раздаются, но это как бы из другой эпохи. Я просто хочу на это обратить внимание. Потому что если вы строите какие-то гигантские предприятия, то вы должны собирать рабочую силу из других отраслей, из других регионов, бросать её. Это дорогостоящее удовольствие, уместное в годы первых пятилеток, наверное, но сейчас просто немыслимое. А решать задачи должны за счёт большого объема инноваций, в том числе – я хочу подчеркнуть это обстоятельство – заимствования всего, что есть в мире передового, и внедрения, освоения у нас.

Во-вторых, это задача какая? Чтобы мы обеспечили производство инноваций для рынка, то есть тогда мы сможем стать инновационной державой. Но рассчитывать на то, что это наступит вот-вот, быстро, я думаю, нет оснований, потому что сегодня мы ещё не готовы к этой роли. Нашему характеру, видимо, в какой-то степени, по крайней мере, в результате

прошлого развития, стала присуща определенная линия: либо мы тонем в комплексе неполноценности, либо мы начинаем заниматься шапкозакидательством. Но у нас нет сейчас оснований. Мы должны как-то, так сказать, вести трезвую политику, понимать свои возможности и понимать свои сильные и слабые стороны. На мой взгляд, это исключительно важные обстоятельства, они отражены в документе. Ну, можно будет ещё работать над этим усилением и уточнением.

Здесь сегодня поднимался разговор относительно позиции профсоюзов. Они осуждают этот документ. Вот я подозреваю, что есть в этом определенная, так сказать, заданность. Ведь на самом деле вопрос заключается в том, что повышение заработной платы у рабочих, вообще у лиц наемного труда, включая учителей, врачей достигается обычно определенной борьбой. А если вы просто ходите и уговариваете там людей в Кремле или в Белом доме, чтобы вам повысили заработную плату – её повышать не будут. Значит, претензии предъявлять нужно, конечно, не к государству, не к Белому дому, а надо работать с предпринимателями.

Сейчас ситуация в нашей стране чрезвычайно неблагоприятная: государство подавляет бизнес, в том числе силовые структуры участвуют в этом. А предприниматели вместе с государством ещё подавляют наёмных работников... Нет, я бы сказал так, что если брать, так сказать, пропаганду – ту часть, которая относится к разговорному жанру, – там всё в порядке. И премьер-министр ездил в Пикалёво улаживать трудовые конфликты, и демонстрировал свою неприязнь к олигархам, которые там у него ручки отбирают. Но, понимаете, всё-таки этой борьбы нет. И единственный, по-моему, такой был случай... Нет, не единственный, несколько разрозненных случаев, когда профсоюзы, причём независимые, выступали с требованием повышения заработной платы. Это вот Всеволожск, потом, по-моему, было в Сургуте, и всё это отдельные случаи. Дорогие друзья, как вы думаете, можно в этом случае добиться каких-то результатов?

Между тем ситуация выглядит следующим образом. Объем инвестиций в российскую экономику, в особенности в той части, которая касается повышения производительности, крайне низок. Почему? А потому что дешевые рабочие, дешевая рабочая сила. Зачем вкладывать эти инвестиции? Получается так, что, с одной стороны, давление государства, которое создаёт мотивы, для того чтобы поток ресурсов уходил за границу, а с другой стороны, здесь дешевая рабочая сила. Я бы сказал так: зачем делать экскаваторы, когда можно нанять таджиков? Вот это примерно модель, в которой мы сегодня живём. Вот я думаю, что это мы должны отражать в наших документах, и должно как бы становиться ясно. Я не призываю к тому, чтобы стимулировать забастовки и так далее. Я просто понимаю, что как либерал и защитник российского бизнеса, я понимаю, что без столкновения интересов и без отстаивания своих прав в экономике ничего не делается. Если кто-то каждый раз берет на себя, так сказать, работу по оказыванию благодеяний, то это абсолютно вредно для развития страны и

развития экономики. Я считаю, что это из дискуссии, которая здесь состоялась, мне представляется чрезвычайно важным.

Здесь есть очень важные либеральные вопросы. Они освещены несколько бегло, по крайней мере, в том документе, который я читал. На мой взгляд, они играют важную роль. Прежде всего, это проблема, связанная с тем, что мы будем развиваться, то есть размещение рабочей силы и всех производительных сил будет строиться в направлении роста агломераций. Значит, из этого нужно делать выводы. Делать вид, что это нас не касается, и что, скажем, мы по-прежнему можем придерживаться принципов о том, что все населенные пункты должны быть обеспечены газопроводами, которые строятся и так далее – это абсолютно бессмысленная позиция. Нужно принимать во внимание те реальные процессы, которые происходят, которые направлены на повышение эффективности экономики, содействуют повышению эффективности экономики. Значит, это один важный момент.

И второй важный момент заключается в том, что обязательно для решения всех политических и правовых вопросов, которые необходимы для развития экономики, мы должны развивать местное самоуправление. Мы должны дать городам и населенным пунктам более широкие права в области налогообложения, в расходовании средств и так далее. Уровень централизации в настоящее время, бюрократическая централизация, доведен до предела. То есть, конечно, можно ещё что-то устроить, но только ценой больших потерь. А вот некоторое движение в обратную сторону я пока наблюдаю только в Вятской губернии, больше там ничего не удаётся. Хотя говорится об этом много, но каждый раз все инициативы, которые возникают, они возникают на том, чтобы ещё больше ужесточить контроль, ещё больше надавить. И каждый раз, чуть ли не каждый день я читаю газеты о том, как сажают очередного мэра, или его снимают, или ещё что-то в этом духе, каких-то сити-менеджеров назначают, как всегда у нас, в соответствии с мировым опытом.

Значит, я считаю, что вот эти актуальные вопросы нам тоже нужно решать. В целом я сказал бы так. Считается, что тот документ, который подготовил ИНСОР, он такой задиристый, он представляет более радикальную позицию, чем принято для высших сфер, и он как бы предназначен, чтобы помочь определиться Дмитрию Анатольевичу Медведеву. С моей точки зрения, документ очень умерен, слишком умерен. Значит, если вот всё сделать, что у вас тут написано, – ещё вилами по воде писано, будут ли какие-то результаты. Вот я просто считаю своим долгом обратить внимание на это обстоятельство. Если мы сегодня будем бояться – ну, тогда лучше отдыхать.

Спасибо.

Игорь Юргенс. Спасибо большое.

Я считаю это конкретным наказом и хочу конкретизировать, причём процитировать профессора Ясина. И это было на Правлении ИНСОР. Это в продолжение того, что он сказал в последней своей фразе. «Я хочу обратить

ваше внимание, что принципиальный вопрос, который будет решаться – это вопрос о взаимоотношении бизнеса и власти, точнее – бизнеса и бюрократии, ещё точнее – бизнеса и силовой бюрократии. Значит, силовая бюрократия бумаг никаких писать не будет...» - ну и дальше многоточие, я сейчас не буду всё. Вот именно об этом мы, наверное, и будем говорить в продолжение наших смыслов, Евгений Григорьевич. Потому что, если заострить, у нас нет огромного количества времени перед следующими парламентскими выборами. Но то, что вот Вы сказали, и то, что Вы сказали направление, – это кардинально, потому что – да, безусловно, это вопрос более широких слоёв населения, которое должно решить, что мы будем делать с 2012 года на шесть или на двенадцать лет вперед. Но вот эти группы населения нам крайне важны: что они думают. И мы нашли, как ни парадоксально, или, вернее, как ни удивительно и хорошо, со стороны просвещенной части этой силовой бюрократии очень интересный отклик на это. Но это уже следующая глава.

Я хотел бы предоставить слово Владимиру Иосифовичу Бакштановскому, директору Института прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета.

Владимир Бакштановский (директор Института прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета). Не знаю, обратили ли вы внимание, уважаемые коллеги, но Игорь Юрьевич, произнося место моей работы, акцентировал слово «этика», или мне это показалось?

Игорь Юргенс. Я это акцентировал, потому что это самое интересное.

Владимир Бакштановский. Я-то слышал в этом, наоборот, такой иронический оттенок.

Игорь Юргенс. Абсолютно нет.

Владимир Бакштановский. В этой прагматической обстановке ещё и о какой-то этике. Я понимаю, что выступать в аудитории с чисто этической проблематикой (а я намерен именно так выступать) – это определенный риск. Я рискну, а вы пожалеете меня или нет; посмотрим, что получится.

Почему это риск – выступать по поводу доклада ИНСОП с этическими акцентами? Во-первых, потому что я хотел бы задать пафосный тезис к пониманию модернизации. Я хотел бы заявить тезис о моральной миссии модернизации в нашей стране. Модернизация не просто опирается на ресурс морали (эта опора хорошо показана в докладе), но модернизация, на мой взгляд, способствует обновлению нашей общественной морали.

И ещё тезис – тоже, наверное, пафосный. Для меня-то он привычный, но может восприниматься аудиторией как пафосный. Я бы хотел внести в диспут о модернизации идею: модернизация – это ситуация морального выбора. Ситуация морального выбора нашим обществом в пользу ценностей современной морали, и тем самым в определенном конфликтном отношении к ценностям морали традиционной, а точнее, потому что здесь много смыслов, к традиционалистской парадигме морали. В пользу... Какие слова

здесь? В пользу этики гражданского общества, если только гражданское общество не трактовать как третий сектор.

Три года назад я выступал в ИНСОП на семинаре, посвященном трудовой морали, и тоже опасался, что впаду в грех морализаторства или мне припишут морализаторскую позицию. И тогда я закрылся, профилактировал риск морализаторства, напомнив аудитории сказку об Алисе и Герцогине. Алиса, если вы помните, говорила: «А может быть, здесь и нет никакой морали?» - «Как это нет? – возразила Герцогиня. – Во всём есть своя мораль. Нужно только уметь её найти». Вот тогда я акцентировал иронию Алисы. Мне надо было показать, что я понимаю, что надо осторожнее выступать в такой прагматичной аудитории: тут сидели экономисты, социологи в этой аудитории. Я вроде бы как сам иронизировал над своей темой. А сегодня я бы хотел сбалансировать. Да, надо иронично или хотя бы сдержанно говорить о роли морали в нашем обществе, но и Герцогиню не грех послушать, когда она говорит, что во всём есть своя мораль, нужно только уметь её найти. Хорошо бы уметь её найти и в теме модернизации.

А зачем это надо? Чего ради нужно уже сложившийся дискурс, который динамично развивается, дискурс о модернизации, и уже не сводит никто проблему модернизации к технологическим проблемам, и уже и к экономическим не сводят? Уже стали говорить, что и культура имеет значение применительно к модернизации, а зачем особенно педалировать тему современной морали? Я полагаю, что если ситуация перестройки могла трактоваться как ситуация морального выбора, выбора между моралью социалистического общества и декларированной тогда общечеловеческой моралью, то сегодня мы можем говорить, что весьма напряженный выбор между этикой гражданского общества (ещё раз напоминаю: это не просто третий сектор, а это этика современного типа общества) и неотрадиционалистской парадигмой, о которой мы слышим в докладах, конкурирующих с ИНСОП.

Довольно сильно продвигаемая неотрадиционалистская парадигма может... такие слова выбирать надо осторожнее, ну, не помешать модернизации, но затормозить её. Почему? Потому что неотрадиционалистская парадигма морали предполагает, что человек не является субъектом выбора. Я, если бы не регламент, зачитал бы большие фрагменты из доклада ИНСОП, из первого раздела этого доклада, в которых, на мой взгляд, заложены серьезные предпосылки заложены для того, чтобы создать этическую концепцию модернизации. Я сэкономлю время, не буду зачитывать эти фрагменты, но один фрагмент приведу, чтобы вы поверили, что доклад имеет в себе серьезную этическую концепцию. Например, это тезис о связи между оппозицией «сырьевая - постиндустриальная модель существования» и оппозицией «общинные и коммунальные ценности и ценности индивидуальной и личной ответственности и самореализации». Доклад, и это мне очень по душе, говорит об аморальности паразитарных

жизненных и деловых стратегий, как в частном исполнении, так и для общества в целом. И это бальзам на мою душу.

Ну а чего тогда мне не хватает? Мне не хватает, чтобы тезис о том, что модернизация и ситуация морального выбора в довольно непростом противостоянии двух этических парадигм – парадигмы современной и неотрадиционалистской, чтобы доклад подчеркнул, что модернизация предполагает выбор в качестве ориентира не технократические критерии эффективности, не экономическую рациональность, не политическую целесообразность, а высшие моральные критерии. Немножко экстремистски звучит, я специально подчеркиваю. Мне кажется, что над критериями экономической рациональности, технологической эффективности, политической целесообразности должны быть высшие моральные критерии. И дальше, чтобы в докладе уже заявленные критические отношения к проявлениям неотрадиционализма в трактовке моральных ценностей были более чётко прописаны. Ещё раз вокруг вот такого тезиса, который для меня является самым наглядным. Этика гражданского общества или современная мораль - это тип морали, который утверждает свободу выбора в её единстве с ответственностью, известную меру конвергенции индивидуализма и солидарности, моральную автономию индивида и структур институционализации морали, согласование профессионализма, рациональности и успеха и ценностей.

Если бы было время, об этом надо было бы говорить обстоятельно, но в любом случае я бы не хотел, чтобы вы меня так поняли, и тем более – вдруг в докладе появится такая интонация. Может быть, надо говорить, что ценности этики гражданского общества не отменяют принципы солидарности, бескорыстного поведения, товарищества, братства, благополучия общины, роль коммуны по отношению к благу отдельного человека, его семьи. Все эти ценности, столь понятные в малом социуме, не отвергаются современной моралью, а соотносятся с ней.

Последний фрагмент моего выступления у меня здесь обозначен «Обновление личности». В докладе есть серьёзный раздел об этических проблемах модернизации, но хорошо бы его конкретизировать, чтобы разговоры о современной морали, особенно когда это является оппонированием неотрадиционалистским попыткам этически осмыслить модернизацию. Хорошо бы конкретизировать. Я для себя ради краткости здесь выделил две ценности современной морали: ценность успеха и ценность профессионализма. Хорошо бы, если бы читатель доклада, например, подумал: если мы строим современное общество, сможем ли мы это сделать без понимания природы достижительности, без связи достижительности с развитием нашего общества, а тем самым – без понимания ценностей успеха, которые мы чаще всего видим в двух взаимно исключаящих ипостасях?

Одна из них – это понимание успеха как реакции на задачу выживания. Другая – это понимание успеха в агрессивно-цинической такой

интерпретации. А для того чтобы говорить об успехе, хорошо бы, если бы мы сами между собой и для публики разобрались, а мы успех от удачи отличаем? Мы готовы описывать модернизацию через противопоставление успеха и удачи? Не тому, что бог послал, не тому, как сложились обстоятельства, а тому, что достигнуто нашими собственными достижениями, а здесь – достижениями, в частности, обязанными нашему профессионализму.

Но если мы захотим рассуждать на тему профессионализма, то я хотел бы внести хотя бы одно уточнение. Мы очень часто говорим о профессионализме как признаке современности, и в том числе модернизации, как её условия, имея в виду правильное исполнение работы. А хорошо бы, если бы профессионализм трактовался с точки зрения того, исполняется ли правильная работа. Это скорее метафора: правильное исполнение правильной работы. Профессионал может и должен понимать смысл своей работы, её моральный смысл, эстетическую полноценность.

Спасибо.

Игорь Юргенс. Спасибо большое.

Сергей Евгеньевич Цепляев. Пожалуйста.

Сергей Цепляев (руководитель Фонда "Республика", г. Санкт-Петербург). Спасибо, Игорь Юрьевич.

Уважаемые коллеги, я начну с глобального утверждения, которое звучит так, что, в общем, Россия проходит очередную попытку осуществить программу буржуазно-демократической революции, как это раньше называлось. Практически вторая попытка за сто лет. Первая, как мы знаем, сорвалась в 1917 году. Что касается нынешней попытки, то кто-то скажет, что она в очередной раз сорвалась, кто-то скажет, что она частично удалась. Я думаю, что ответ мы будем знать в какое-то ближайшее время.

Я пытался посмотреть на тот доклад, который предложен, ту программу, как на некоторое приглашение ещё раз вернуться к этой повестке дня буржуазно-демократической революции и опробовать её реализовать в рамках нашей страны. Что касается основного объема текста – я готов подписаться под подавляющим большинством тех тезисов, которые есть, но хотел бы вернуться к рассмотрению доклада вот с этой точки зрения. Если вспомнить три главных лозунга демократических революций – это, конечно, свобода, равенство и братство, и это был выход так называемого третьего сословия, которое вырвалось из-под, выражаясь современным языком, «крышевания» дворянства.

Что касается свободы, то доклад достаточно подробно описывает всё, что необходимо сделать в этой части. Второй лозунг, вторая часть – это равенство, которое понималось как равноправие, и вот здесь как раз я думаю, что это та позиция, которая сейчас становится опять нервом нашей политической жизни. Идея «закон един для всех» становится всё более и более популярной, и я думаю, что она должна находить отражение в предлагаемых документах, поскольку это есть способ обращения к нашим

гражданам. Если посмотреть сегодня, например, по кампании «Синие ведерки», то что это такое? Это средний класс, уважающие себя люди, которые смогли купить автомобиль, выезжают на дорогу и категорически не приемлют сословного принципа, что есть разные сословия, которые обладают разными правами, и они готовы, иногда с риском для жизни, выходить против. Это просто реальный эпизод этой демократической революции, которая разворачивается на наших глазах. То же самое касается всевозможных вариантов борьбы с привилегиями, с чего, собственно, начинал Борис Николаевич Ельцин, очень тонко чувствуя эту позицию, поскольку уровень сословности в финальной части советского общества был колоссальный. И сегодня эта позиция становится актуальной. Сюда надо добавить избирательное правосудие, сюда надо добавить борьбу со всевозможным «бизнесом для своих», что и, собственно, составляет деление общества нашего на страты. Вот эта позиция, кажется, должна где-то быть более подробно прописана в докладе.

Вторая вещь, которая мне кажется существенной с точки зрения именно посылов обществу, – я думаю, что мы можем много что написать в части модернизации, но задаётся вопрос, кто это всё будет делать. Ответ, причём, более-менее понятен: должен значительную работу проделать предприниматель. Он является организатором экономической жизни, организатором работы, поиска инноваций и так далее и тому подобное. Общество сегодня реально рассматривает предпринимателя как коррупционера, вора, незаконно обогатившегося человека, и считает, что если предприниматель на свободе, то это не его заслуга, а, скорее всего, недоработка государственных органов, которая будет, несомненно, поправлена. Я достаточно много общаюсь с предпринимателями – и должен сказать, что постепенно расширяются умонастроения усталости, апатии, такой безнадёги, желания либо всё бросить, либо перебросить активно «через забор», что активно происходит, и мы просто это наблюдаем. Если это состояние и отношение общества к предпринимателю как почти к буржуазному спецу пополам с вредителем будет продолжено, то через какое-то время НЭП свернется по факту, и всё будет просто скупаться государственными структурами, что и происходит. Поэтому этот раздел, связанный с утверждением в обществе предпринимательской доблести, ну хотя бы где-то близко к воинской доблести, которую мы здесь обсуждали, вот эта просветительско-культурная работа – она должна быть сделана, должна быть обозначена, и если мы не начнем её, то тогда, собственно говоря, о модернизации говорить не приходится.

Вторая часть связана тоже вот с этими же вещами: с модернизацией, о чём надо говорить. Традиционно, конечно, у нас всегда, от Петра Первого и Сталина, модернизация понималась как технологический аспект, как выпуск нового оборудования, каких-то заморских штуковин, которые нам позволят потом подковать блоху, что-то ещё придумать, ну и «уконтрапупить» тех, кто это производил. А самая проблема, что совершенно отсталые социальные

технологии, которые практически носят первобытный характер, и в основном используется одна только технология, о которой можно говорить так более концентрированно – это «вождь и племя».

Эта технологи используется везде: в университетах наших, научных учреждениях, в бизнесе и в политике. То есть мы не допускаем вариантов выбора и не допускаем возможности людей, которые имеют амбиции заменить вас на этом месте, поскольку человек, который руководит любой организацией, должен сделать всё, чтобы уничтожить возможных претендентов на своё место и держаться на горе до того момента, пока он просто, так сказать, физиологически не будет оттуда ссажен. Этот вот вариант - даже на уровне демократических партий: мы не смогли подняться выше уровня «вождя и племени» и многие из них просто представляют собой, так сказать, гуру и секту адептов. Сейчас политическая система просто доводится до концентрированного выражения этой системы. Если мы не будем говорить, убеждать и рассказывать, что нужны более сложные социальные технологии, на технологии «вождь и племя» дальше не уедешь, хотя всё время отказываемся от импорта именно социальных технологий, то тогда будут проблемы.

В связи с этим, с уходом от этой технологии, конечно, хотелось бы такой очень большой во всех позициях конкуренции и пояснения, почему это является двигателем развития: что без единства и борьбы противоположностей ничего не происходит. Общество категорически не приемлет конкуренции на любых уровнях, в любых местах. По-моему, если мы тоже опять не сможем это как-то культурно встраивать в нашу матрицу, то невозможно дальше развиваться. Стремление к единству, к пирамидальному построению общества подавляет любые возможные ростки и не даёт шансов на модернизацию.

Если очень коротко пробежаться по отдельным позициям, мне кажется, что, конечно, это понятно, доклад делался в Москве – он более сфокусирован на задачах центра. Например, раздел «Местное самоуправление» прописан фрагментарно, более лапидарно, но для людей в регионах это главное, потому что они-то живут только с местным самоуправлением. Президент для них – это картинка по телевизору, и даже губернатора они не видят. А что будет с местным самоуправлением – надо давать очень развернутую вещь, и рассказывать, и объяснять, поскольку местное самоуправление – это школа демократии, как профсоюзы были школой коммунизма. И возможно, да, и вступать в контакты с местным самоуправлением и понимать, что они хотят перераспределения бюджета. К ним можно выходить с достаточно популярным лозунгом «треть-треть-треть»: федеральный, региональный и местный уровень. Я понимаю, что, так сказать, Москва будет скрипеть зубами, но что делать, коллеги, надо что-то и обществу оставить, тогда там что-то будет развиваться. И второй момент – конечно, это НДСЛ по месту жительства, потому что иначе территории, где люди живут, просто

вырождаются, поскольку НДФЛ идёт сейчас по месту регистрации юридического лица.

Очень аккуратно и мягко, я считаю, прописана позиция по поводу выборности губернаторов. Я вам могу сказать, что, конечно, желание формировать собственную власть своим голосованием достаточно сильно. Большинство требует этого, и сформулированная в докладе позиция, что «хотим привить политическое мышление исполнительной власти» – иным способом, как отправить в избирательное горнило, политическое мышление не привьёшь. Если я – назначенец, у меня соответствующее мышление, и хоть ты тресни, но хозяина, что прививали в советское время, не давая людям собственность, так и не удалось получить.

Следующая позиция, тоже на которой я хотел бы остановиться, – это разговор об образовании. Образование достаточно, как мне кажется, хорошо описано. Что меня там несколько насторожило, может быть, или какая-то некая проблема – речь идет об институтах социализации, там почти не фигурируют никакие структуры гражданского общества. То есть там мы помним, что, в общем, социализация для нас часто проходила на уровне каких-то обществ любителей того, и обществ любителей сего, и спортивные какие-то школы, и объединения, и туристические клубы. Здесь стоит только одна позиция – это религии. Я бы сказал, что, судя по нашим реалиям, по мировому опыту глобализации сегодня акцент на этом институте социализации может создавать больше проблем, чем давать решения этих проблем.

Ещё одна оппозиция, которую хотелось бы как-то просто зафиксировать. Говорится, что мы должны идти вперед. Основная проблема – а где наше место мировое, где мы можем, вообще говоря, занять свою нишу? Этот разговор пока уходит в сторону, а он является принципиальным и безумно сложным. Мы использовали свою первую ступень ракеты индустриализации, направив экономику по военному руслу. После того как мы сделали этот шаг, мы должны либо провести решающую войну, завоевать территории и всё богатство и на этом жить дальше. Если военная машина не использована, то у вас просто деградация, что, собственно, и произошло. Когда военная промышленность развалилась, индустрия – выяснилось, что гражданские товары не сделать, телевизор не сделать, стиральную машину не собрать. Сегодня говорим: давайте реиндустриализацию. Эту нишу занял Китай. Раньше люди были готовы уезжать из деревни, работать за койку в общежитии – сегодня там люди работают за чашку риса. Хотим реиндустриализацию – придется завозить людей из Средней Азии. Готовы ли мы, как мы хотим проводить реиндустриализацию – вещь непонятная.

В качестве альтернативы предлагается «большой скачок»: давайте всех перепрыгнем и сразу будем производить инновации. Там ниша тоже, в общем, довольно занята. Хотите строить нам новую технологию – придётся иметь соответствующую промышленность, которая готова выдавать продукт для рынка, для потребителя. Куда мы денемся с инновациями в нашей

деревне – в общем, пока непонятно. Предстоит очень серьезный анализ, в какие сферы мы можем продвигаться и где есть то место в разделении труда, куда мы можем войти.

Последняя позиция, которую хотелось сказать, – как этого всего добиваться. Мне кажется, что доклад немножечко требует другого адресата. Я вот не склонен работать в жанре писем на самый верх. Такое ощущение, что в каких-то местах мы понимаем, что там стоит автоответчик. И, вообще говоря, с подобными докладами придётся обращаться по крайней мере к правящему классу, думающей интеллектуальной части общества, предлагая им соответствующие наборы решений и пытаясь их убедить, что эти решения надо будет предлагать власти как обязательные.

Поскольку всё-таки хочется, чтобы адресат был шире (наверное, это уже, что называется, из части придинок), хотелось бы, конечно, поправить язык, который просто насыщен всевозможными, я считаю, необязательными иностранными заимствованиями. У нас транслятор – проводник, бенефициант – выгодоприобретатель, коммуникация, которая связь, редукция, которая сокращение и так далее и тому подобное. Я понимаю, что это создаёт ощущение причастности к клубу посвящённых, но несколько, наверное, отталкивает тех читателей, которые могут быть. Поэтому ещё раз хочу сказать, что, конечно же, доклад является самым серьезным шагом. Я присоединюсь к словам Евгения Ясина по поводу того, что доклад достаточно умеренный. Вот то, что говорил, призывал к некоторой большей резкости, с тем чтобы всё-таки этот документ уже в меньшей степени напоминал петицию. Спасибо.

Игорь Юргенс. Спасибо большое, Сергей Евгеньевич. Олег Васильевич Шеин.

Олег Шеин (депутат Государственной Думы, фракция "Справедливая Россия"). Спасибо огромное. Я достаточно лаконично, потому что опыт работы в нашем парламенте предполагает некоторую лапидарность, и у нас были дни, когда принимали по тридцать фундаментальных законов за день, по пятнадцать минут на закон.

Я хочу сказать вот о чём. У нас очень много критики той позиции, которая здесь людей, может быть, разных взглядов, но вместе собрала, и которые полагают российское общество патерналистским. Я достаточно часто в аудиториях сейчас привожу слова сорокового президента США Рональда Рейгана, который говорил следующее: «Вы думаете, государство решит наши проблемы? Как бы не так! Государство – это и есть наша проблема». И хочу сказать, что люди эту логику воспринимают очень положительно. То есть что сегодня происходит? Мы чуть раньше говорили по поводу критики в адрес доклада ИНСОП со стороны коллеги Шмакова и ФНПР. Но ведь сегодня по законодательству получается так, что работники любой компании не могут даже начать переговоры по своей заработной плате либо по изменению условий труда, если в их профсоюз не входит более половины работников. То есть люди лишены даже возможности диалога. И

этот диалог подменяется искусственно законодательством (которое поддерживает в том числе и ФНПР) совершенно другим – это патерналистскими государственными методами, попытками подменить профессиональные союзы прокуратурой и попыткой подменить реальный диалог между работодателями и работниками договоренностями на уровне отдельных лиц.

Другой пример – жилищные отношения. У нас достаточно активно развиты сейчас в стране и народные ТСЖ, и иные формы жилищного самоуправления. Буквально недавно в Госдуме обсуждался - очень тяжело, полгода подряд - комплекс поправок в Жилищный кодекс. Я не хочу сейчас пояснять юридические вещи, я хочу просто по логике пояснить. В итоге было принято решение, обязующее жителей домов в своих домах создавать домовые советы. Санкция, правда, не написана, но обязательство такое есть. При этом одновременно была предпринята попытка запретить любым компаниям заниматься ремонтом домов, кроме тех компаний, которые персонально будут одобрять мэры городов и губернаторы. Я совершенно уверен, что это предложение не прошло, но сам факт его появления очень симптоматичен.

Между тем в стране реально существует очень широкое движение, о нём сегодня в двух словах говорилось. Это реальные профсоюзы, это реальное жилищное движение, это и борьба против «мигалок», это и Химкинский лес. Это и, кстати, очень сильная акция рыбаков-любителей. Это живая ткань гражданского общества. Мне кажется, это и есть не истеблишмент, а вот именно эта живая ткань гражданского общества, очень быстро формирующаяся благодаря коммуникации через сеть Интернет. Это и есть та опора модернизации, о которой говорит Президент Российской Федерации, и о которой говорится в очень свободолобивом докладе ИНСОП. Я очень надеюсь, что возобладает именно эта линия, потому что альтернатива, у нас в таком вот военизированном милитаристском духе недавно высказанная, если уж эта альтернатива состоится, то это на двенадцать лет, до 2024 года. Мне, например, будет пятьдесят два, мне себя жалко, и всех присутствующих тоже.

А по докладу ИНСОП хочу сказать только одно: что, мне кажется, очень важно усилить раздел, касающийся именно гражданского общества и гражданских активистов, и с огромным удовольствием вот мои коллеги из общественных объединений, которые здесь присутствуют, в этом участвуют.

Спасибо.

Игорь Юргенс. Большое спасибо. Михаил Эгонович, на нас с вами смотрит собравшаяся прогрессивная общественность. Мы сейчас будем подписывать договор о сотрудничестве между ИНСОПом и Центром стратегических разработок.

Михаил Дмитриев (Президент Центра стратегических разработок). Коллеги, я хочу пояснить, для чего нужно это объединение. Оно возникло не

потому, что внезапно у нас с ИНСОР появилось согласие по стратегическим установкам. Оно было все эти годы, пока ИНСОР существовал и пока работал ЦСР. Речь идет о другом.

Кризис создал спрос на экономическую политику и снял многие табу, которые позволяют очень быстро двигаться вперед. Согласие есть не только у нас с ИНСОР, но и с теми, кто пишет "Стратегию-2020", вот Татьяна Малева сейчас в этом активно участвует, и не это есть предмет нашего сотрудничества, на самом деле. Стратегия в том формате, в котором она есть в ИНСОР, уже готова, и мы согласны с ключевыми содержательными положениями.

Есть три момента, на которые я хочу обратить внимание.

Самые последние опросы инвесторов в Украине сейчас показали: проблема для инвесторов номер один – 15% инвесторов показало, что главное препятствие для инвестиций в Украину – это политическая неопределенность; коррупция на втором месте, а доступ к финансовым ресурсам и всё остальное уже почти незаметно, потому что политическая неопределенность – проблема номер один. Украина вступила в полосу политической неопределенности шесть лет назад. Россия, Казахстан, Белоруссия только вступают в эту полосу, но вступают неизбежно, потому что общество переросло политические системы, которые у нас есть, точно так же, как это произошло на Украине. Политическая неопределенность отнюдь не облегчает реформы. Наоборот, она может их сильно затруднить, и это серьезнейший вызов доклада, на который пока в нём нет ответа. Это наша общая проблема, над которой нам сейчас надо работать: как найти правильный баланс между реализацией необходимых политических реформ и реализацией необходимых экономических реформ, так чтобы и то и другое реализовывать.

С этим связана ещё одна проблема, о которой сказал ещё Карл Маркс. Он сказал, что английская революция разбилась об Ирландию. Наша демократизация и наши реформы десять лет назад разбились о Кавказ. Ситуация на Кавказе снова может прийти к тому состоянию, когда новая волна реформы и демократизации снова разобьется о Кавказ. Замалчивать эту проблему нельзя. Мы должны понять, каковы кавказские риски сегодня и как можно было бы развиваться стране, несмотря на эту угрозу и даже в условиях обострения ситуации там. Если мы на этот вопрос не ответим, мы можем прийти к тому, к чему пришли в течение последних десяти лет.

Ну и, наконец, последнее. О чём сегодня очень много говорилось, но я хочу сказать в другой плоскости. Стратегия ИНСОР в том виде, в котором мы с ней согласны – это стратегия фронтальных реформ. Но шесть или семь человек подряд, самых разных взглядов, от представителей профсоюзов и левых сил до представителей правых сил, говорили об одном и том же. Сейчас главная проблема не во фронтальной стратегии реформ, а в широкой платформе для консенсусов. Вот с этим пока у ИНСОР трудно, да и у нас у всех трудно.

Мы только что усилиями представителей профсоюзов, работодателей, участников рынка подготовили общественное предложение о пенсионной реформе, которое является первой в истории комплексной гражданской инициативой по этому вопросу. Реформу досрочных пенсий, один из самых болезненных пунктов этой реформы, мы разработали вместе с профсоюзом угольщиков, а поддержал её РСПП. Вот это тот консенсус, которого мы должны вместе добиться. Такие технологии есть у ИНСОП и такие технологии у ЦСР.

Я бы хотел привести ещё один пример по поводу вот этой проблемы, которую затронули профсоюзы о рабочих местах: очень интересная проблема. В понедельник «Деловая Россия» озвучила стратегическую установку, которую она будет продвигать. Она озвучила стратегическую установку группы их работодателей. Их стратегический приоритет – создание к 2025 году двадцати пяти миллионов рабочих мест, о которых мечтают профсоюзы, с зарплатой в три-четыре раза выше, чем сейчас, с производительностью в шесть-семь раз выше, чем сейчас. Это абсолютно не утопическая задача. Это стратегия, которая вполне может объединить и либеральные, и даже такие консервативно-государственнические силы в нашей стране. Почему? Да потому что это то, через что прошла вся Центральная и Восточная Европа в процессе присоединения к Евросоюзу, это то, через что прошли такие разные страны, как Турция и Финляндия, как Бразилия и Чили. Эти страны создавали рабочие места путём достаточно тонкого сочетания усилий государства и бизнеса, где каждому из них выделялась своя собственная роль. Это хорошая платформа для консенсуса. Мы отдали эту идею работодателям именно потому, что она не должна исходить от экспертов. Но в этой идее есть и место профсоюзам, потому что и работодателям, и профсоюзам придется работать не просто над созданием рабочих мест. Как правильно говорило несколько человек, в том числе Евгений Григорьевич, чтобы создать новое высокопроизводительное рабочее место в экономике со уменьшающимся трудоспособным населением, сперва надо ликвидировать непроизводительное место. Профсоюзы к этому ещё пока не привыкли. Они не понимают, что чтобы платить людям больше, нужно человека с плохого места перевести на хорошее. Наше трудовое законодательство к этому не готово. Профсоюзы к этому не готовы, и вместе с работодателями они должны искать решение. Вот в разделе ИНСОП пока такие решения не очень просматриваются. Проблема Трудового кодекса формулируется конфронтационно, а мы должны найти решения кооперативные для труда и капитала, и я уверен, что они найдутся при правильной постановке вопроса.

Ну и, наконец, последний пункт, по которому нам придется вместе поработать. На самом деле очень важная социальная сила модернизации, которая уже тихо модернизирует всё российское общество – об этом сказала Татьяна Малева – это наш городской средний класс. В ближайшие пятнадцать лет это будет самая быстрорастущая категория населения. Её

темпы роста мы оцениваем в 5-6% в год. Просто абсолютный рост численности. Это реальные социальные лидеры модернизации, которые за собой вовлекут в этот процесс многие другие категории населения. Но, к сожалению, именно эта категория населения аполитична, она крайне негативистски настроена к любым инициативам, в том числе к инициативам по развитию страны и её модернизации, она не верит никому, ни государству, ни экспертам. Наша совместная задача с ИНСОП – не просто подготовить стратегию, а найти способы вовлечь средний класс в эту созидательную работу и с точки зрения формулирования целей и решений, и с точки зрения участия в этом процессе и в его политической поддержке. Если это удастся – мы справимся все вместе, но это задача не только ИНСОП, не только тех, кто сегодня выступал. Это задача общества в целом, а мы должны помочь найти согласие.

Спасибо.

Игорь Юргенс. Спасибо большое. Засим мы подписываем наше соглашение.

(Перерыв)

Евгений Гонтмахер. Слово предоставляется Борису Игоревичу Макаренко.

Борис Макаренко (Председатель правления Центра политических технологий, директор общественно-политических программ развития Института современного развития). Из той критики и дискуссии, которую мне доводилось слышать по части нашего доклада, посвященной реформе политической системы, я увидел, что как раз в этой сфере есть масса людей, которые считают, что Земля плоская. И это не только эксперты, это и политики. Полемизировать с ними абсолютно бессмысленно, хотя, наверное, я в завершении к этому же приду.

Мы писали об открытии политической системы, о перезапуске политической конкуренции. Почему так? Еще одна претензия, которая нам высказывалась от людей, которые считают, что Земля ну не совсем плоская, она где-то так с бугорками. Они говорили, что нашему докладу и конкретно политической части не хватает историзма. Много историзма жанр бы не позволил, это все-таки повестка дня на будущее, но вы хотите историзма – он есть у нас. Историзм российских модернизаций состоит в том, что по сравнению со всеми другими модернизациями наш политический класс, наша политическая элита никогда никому не доверяла кроме самой себя, и во всех модернизационных процессах государство стремилось выступать единственным субъектом, единственным диктатором воли, хода, темпа, результатов модернизации. Все остальное в процесс модернизации включалось только постольку, поскольку без этого было нельзя обойтись. Ни частный бизнес, ни общество, ни гражданское общество, ни оппозиция государством никогда не виделась ни как союзник, ни как партнер, ни даже

как конструктивный оппонент. Так было давно, так более продолжаться не может.

Где-то лет десять назад западные политологи, занимающиеся Россией, стали писать о том, что российское общество слишком развито, слишком современно, слишком сложно, чтобы управляться из единого центра. Тогда это, может быть, звучало некой экзотикой, сейчас это становится все более очевидным. ИНСОР на эти темы пишет с самого своего создания, с 2008 года, с доклада «Демократия: развитие российской модели». Когда мы первый раз сказали, по сути, те же слова, был поток брани. Сейчас мысль о том, что во имя модернизации, во имя развития страны нужна плюрализация, нужны механизмы разрешения конфликтов, становится едва ли не общим местом.

У нас президент и премьер согласны по целям, но не всегда согласны по методам. Я цитирую президента. Кошмар, конец света, конец тандема? Да нет, совершенно нормальная вещь, это нормальные живые люди, состоявшиеся политики. И происходит совершенно нормальная вещь. Не хватает только одного – чтобы под эти естественные споры, дискуссии и разногласия была подложена работоспособная политическая система, институты, которые действуют по универсальным правилам и таким спорам и конфликтам придают конструктивную направленность, не позволяют их разносить друг с другом. Я задумался, какой образ лучше всего описывает отношения государства и гражданина. Простите, может, за лапидарность, это продавец советского магазина, молочного отдела, в котором только два варианта – либо сыр есть, либо сыра нет. Когда у нас в дополнение к нашей индустриализованности, урбанизованности, образованности, еще много каких «-зованностей», к этому добавилась рыночность, когда в этом отделе появилось десять сортов сыра, а рядом еще десять магазинов, в которых тоже по десять сортов сыра, вот эти советские продавцы куда-то все вымерли, они перестали хамить, они перестали разговаривать с покупателем через губу, они научились если не служить, то по крайней мере обслуживать покупателя. А наше государство в условиях отсутствия конкуренции, строгой вертикальной системы и монополии ведет себя в отношении с обществом точно так же, как продавец молочного отдела советских времен.

Я приведу четыре примера государственных решений последнего времени, по каждому из которых государство дало обратный ход и пересмотрело свои решения. Это решение о порядке исчисления пособий по беременности и родам. Провозгласил президент демографическую политику приоритетом, через месяц принимается закон, где это пособие исчисляется на условиях для матери менее выгодных. Закон о платной рыбалке. Проект закона «О стандартах образования». И приказ № 86 Министерства науки и образования. Напоминаю, закон «О стандартах образования» – благие намерения, абсолютно правильная реформа, но обществу она явлена в таком виде, что общество уясняет, что главное – это физкультура и ОБЖ, а русский язык, математика и словесность не обязательны. Закон о платной рыбалке:

всё, с удочкой на водоем не пойдешь. Приказ № 86 меняет правила сдачи ЕГЭ и поступления в вузы за три месяца до этих экзаменов. По всем этим решениям проявлена бюрократическая глухота, возможно, переходящая в бюрократический идиотизм, потому что бюрократ перестал понимать, как общество на это отреагирует, ему это не нужно. И по всем этим решениям (продолжение этой же истории) государство пересмотрело свое решение, поправила ошибку своих бюрократов. Утверждать на этом фоне, что не нужна плюрализация и механизм дискуссии и урегулирования конфликтов, что это не нужно – это все равно что говорить, что Земля плоская. Получим мы это или нет? Первые шаги к восстановлению механизмов политической конкуренции в нашем докладе прописаны. Евгений Григорьевич Ясин два часа назад назвал эти шаги слишком умеренными и постепенными. Я это воспринял как критику и очень серьезную, но мы считаем, что первые шаги мы наметили.

Наверное, на этом все. Спасибо.

Игорь Юргенс. Спасибо большое. А сейчас мы хотели бы послушать Леонида Михайловича Волкова, который написал вместе со своим соавтором замечательную книгу, о которой, наверное, несколько слов нам скажет. Он является поборником прямой демократии, собственно говоря, вслед за президентом Российской Федерации.

Леонид Волков (депутат Екатеринбургской городской Думы). Добрый день, уважаемые коллеги. Во-первых, спасибо за приглашение. Немножечко спонтанно мы тут с моим другом, коллегой и соавтором Федором Крашенинниковым оказались. Я, собственно говоря, в отличие от всех присутствующих, по всей видимости, почти ни с кем не знаком, поэтому я расскажу предысторию, как мы здесь оказались, и отсюда уже будет следовать, про что мы будем рассказывать. И это будет больше в духе буквального понимания сегодняшнего мероприятия, про стратегию будущего, такого далекого будущего, потому что написали мы такую книгу³ -утопию, можно сказать.

Я по профессии айтишник, много лет занимаюсь информационными технологиями в разных качествах. Федор – политолог. И я еще депутат Екатеринбургской городской думы, одномандатник, самовыдвиженец. История, наверное, началась летом прошлого года, когда вслед за федеральном трендом у нас стали отменять прямые выборы мэра Екатеринбурга и вводить сити-менеджера. И мы устроили некое такое гражданское сопротивление, был у нас в городе такой комитет «Право выбора», в который входило шесть человек, двое из которых здесь, и мы какое-то фаер-шоу в течение четырех месяцев устраивали, сопротивлялись, вплоть до подъема воздушного шара с большим баннером «Отстоим прямые выборы» напротив резиденции губернатора, многотысячного митинга и т. д. В июне эта история началась, и к октябрю мы ее предсказуемо проиграли, хотя были вроде как на грани. Первое голосование в думе по изменению

³ <http://www.cdem.ru/>

системы управления городом провалилась, но потом с депутатами, с моими коллегами была проведена соответствующая разъяснительная работа, и все встало на свои места.

И к середине октября нам стало очень грустно, потому что стало ясно, что вертикаль дотянулась до низов, до местного самоуправления, и в Екатеринбурге тоже, и, в общем-то, заниматься какой-то прикладной политикой и общественной деятельностью у нас уже совсем скучно и неинтересно. Вот есть у нас муниципалитет, у него есть 30% НДФЛ, и это все, что у него есть на осуществление 28 полномочий, прописанных в 131-м законе, и это все, что он может делать. И крутись как хочешь. А никакой региональной политики и местной политики больше нет, и нашим думам про федерализм и регионализм, в чем Федор Геннадьевич большой эксперт, мы можем предавать разве что лишь сугубо теоретически, потому что нам стало очень грустно.

Когда людям грустно, а водку они не пьют, то один из естественных выходов – это садиться писать книжку, что мы неожиданно для себя и делали. И, как это обычно бывает в бегстве от серой реальности, начали писать какую-то совсем заоблачную утопию, суть которой проистекает из нашего бэкграунда – про политику и про IT. То есть какой могла бы быть демократия, система принятия решений, система управления в контексте современных информационных технологий, какой могла бы быть пресловутая электронная демократия. Мы ее писали, когда было время, когда не было, в точности 8 мая у нас случился большой творческий подъем, и мы ее дописали.

А дальше было совсем весело. 11 мая я по своим делам летел в Москву, приехал в аэропорт немножко раньше, сидел, пил кофе, стал за него расплачиваться, достал свой бумажник, и обнаружил там визитку Евгения Шлемовича Гонтмахера, которая неизвестно каким образом туда попала. Да, буквально мистическим. То есть мы, конечно, встречались, но почему именно эта визитка отложилась у меня в бумажнике и попала мне на глаза – мне было не очень понятно. А я был как раз в состоянии уже даже не беременности книжкой, а свежеразрешенности от родов. Знакомое, наверное, состояние, когда она вышла, и хочется всем делиться. И я написал достаточно наглое письмо, что почитайте, пожалуйста, на досуге. К моему большому удивлению, когда я приземлился в Москве, при том, что было 9 утра в Москве, меня в почте ждало ответное письмо, что прочитал, приезжайте к нам через недельку на конференцию поговорить об этом. Поскольку, как все екатеринбуржцы, занимающиеся бизнесом, мы очень легки на подъем, привыкли летать в Москву каждую неделю, то мы, собственно говоря, сели и прилетели сегодня тоже. Поскольку кратко пересказать наш текст в 200 тысяч знаков я сейчас не берусь, я основные положения перечислю.

Мы говорим об идеальной модели, о максимальной отрешенности от действительности, о том, как могли бы быть устроены механизмы,

электоральные в том числе, механизмы принятия решений в демократическом обществе, отвечающие принципам демократии и основанные на современных технологиях. Основная предпосылка, из которой мы исходим, очень проста и заключается в следующем: что все развитые механизмы представительной демократии и всё, что вокруг них навертелось, напластовалось, наслоилось, а это очень много, вплоть до того, какой пастой должна заверяться подпись сборщика подписей в соответствующем документе... То есть я хочу подчеркнуть, насколько много там всего наслоилось. Все эти механизмы родились, естественно, не от хорошей жизни, а будучи некой аппроксимацией, попыткой аппроксимации идеализированной прямой демократии, которая перестала быть возможной, как только людей там стало больше, чем несколько тысяч, и они расселились за пределы идеального древнегреческого полиса, Великого Новгорода или швейцарского кантона. И вот перестало для них быть возможным собираться вместе, чтобы принимать решения, понадобилось развивать какие-то более сложные механизмы, и пошло-поехало, вплоть до формирования участковых избирательных комиссий.

Тем не менее, за последние несколько лет мне и всем здесь хорошо известные технологии сделали шаг вперед, и на самом деле они позволяют подняться над всем тем, чему институты демократии научились за последние несколько сот лет, и подумать о том, что является самоценностью в этих институтах, а что является технологическим напластованием, призванным всего лишь преодолеть несовершенство технологий. В сухом остатке у нас примерно получилось вот что. Три технологических принципа, на которых можно было бы строить модель, которая представлениям о демократичности наших авторов отвечала бы в большей степени.

Первый принцип – это то, что называется LiquidFeedback. Это довольно хорошо исследованная вещь. Когда мы всё это придумали, мы, конечно же, нашли все это и в англоязычной литературе, к сожалению. Живая обратная связь, ее впервые описал американский фантаст Роберт Шекли в известной новелле «Билет на планету Транай». Там политическая система такая: есть планета, есть чиновники, и никто почему-то не хочет работать чиновником, что сначала удивляет землянина, который на нее попал. А потом он выясняет, что на этой планете есть такое специальное помещение, в нем на стене портреты всех чиновников, и под каждым кнопка, а у каждого чиновника на шее медальон с маленькой коробочкой со взрывчатым веществом, вход в помещение не охраняем, и если какому-то жителю этой планеты не нравится работа какого-то чиновника, он заходит в это помещение, нажимает кнопку и осуществляет акт прямой демократии, после чего голова отделяется от туловища. Это некоторая модель, хотя она, безусловно, не помешала бы некоторым развивающимся демократиям. Но суть ее примерно понятна – она стимулирует чиновников быть честными. То есть вот он перед выборами что-то наобещал, его избрали, потом он работает свои 4, 5 или 6 лет, этого не делает. О'кей, хорошо, сейчас-то мы можем

получать живую обратную связь. Самый привычный всем нам механизм – «лайки» на «Фейсбуке», грубо говоря. Представьте себе, что изначально 60% «залайкало», извиняюсь, и он стал мэром или муниципальным депутатом (не буду обобщать), и потом он стал делать резко очень сильно не то, что обещал, и народ стал свои «лайки» отзывать. Это сейчас все можно померить вживую. И вот они упали ниже какого-то уровня отсечения, не 50%, а пусть 25% или даже 10% – и он престал быть мэром и т. д. Если мы говорим про электронную демократию, электронные выборы (понятно, что это все в какой-то электронной системе проводится), то технологически это все очень просто, ничего не стоит. Первая идея – LiquidFeedback.

Вторая идея – матричное делегирование. Ее мы в литературе не встречали. Кстати, она тоже вроде как лежит на поверхности. Она заключается в том, что это идея, которая позволяет избегать второго технологического ограничения неэлектронных технологий – что слишком сложно все, кроме как делегирование голоса одного избирателя одному его представителю по всем вопросам, ну или трем – на местном, региональном и федеральном уровнях. Это, конечно же, не соответствует тому, как на самом деле устроено мнение избирателя.

Мне вот хочется, чтобы по вопросам спорта на федеральном уровне меня представлял, условно, Вячеслав Фетисов, но, извините, я не готов ему доверять решение вопросов об образовании и науке, но мне приходится это делать в нынешней модели. Тем более я не готов кому-либо доверять решение вопросов войны и мира, в них мне хочется за собой сохранить право голоса. Опять же, технологически это все далеко не rocket science. Давайте сделаем матрицу – муниципальный, региональный, федеральный уровень, некий рубрикатор вопросов, и по каждой из рубрик я буду выбирать себе представителя. А по каким-то не буду выбирать, буду сам вести свою деятельность, наоборот, буду писать блог, какие-то статьи, еще что-то и призывать других людей делегировать свои голоса мне. Вот у нас получится, что в каждой предметной области крупными стейкхолдерами окажутся соответствующие эксперты или популисты, успешные политики в этих конкретно областях. И окажется, что серьезный вопрос в области спорта нельзя решить без консенсуса экспертов в области спорта, серьезный вопрос в области образования нельзя решить без экспертов в области образования, а вопросы войны и мира невозможно решить без фактически референдума, потому что никто никому не доверяет, и каждый хочет сохранить голос.

Популисты, конечно же, здесь будут большой проблемой, до тех пор, пока мы не скомбинируем второй технологический подход с первым и, опять же, не устроим живую обратную связь в этой системе делегирования. То есть вот я – избиратель, у меня есть некий, выражаясь технологическим языком, личный кабинет, вот там есть эта матрица, по которой я галочки проставил, и с настроенной периодичностью – раз в месяц или в квартал, или в четыре года – я получаю какие-то сводки, что мои представители по таким-то темам голосовали так-то. Ну хорошо. Я этим интересуюсь, они это делали не так,

как мне бы понравилось – ну хорошо, я отзываю свое делегирование, передаю его какому-нибудь другому. Вместе это работает.

Ну и третья идея – конечно же, это принудительная честность, неанонимность всей этой системы, голосование, основанное на применении электронной подписи, то есть серьезная юридическая значимость всего, что происходит, и обязательное раскрытие информации теми людьми, которые участвуют в этой системе, являются соискателями делегирования по тем или иным вопросам.

Вот, собственно говоря, всё. Это все несложно, то есть технически это все реализуемо, и точно также совершенно понятно, что это неприменимо в современной России, потому что никому не нужно. Да, мы пытаемся создать систему стимулов для чиновников быть честными, прозрачными и т. д., ерунда всякая. Но технологическая простота идеи на самом деле позволяет пытаться реализовать ее в виде пилотного проекта, просто для тех, для кого интересно. Вот была недавно движуха вокруг сетевого парламента «Новой газеты». Она нам не понравилась. Меня туда номинировали, я отказался, написал им соответствующее письмо, потому что мне она показалась несерьезной, было непонятно, что они делают, зачем, что будет делать этот парламент, какие решения он будет принимать.

Наша текущая идея заключается в том, чтобы сделать прототип системы, основанной на этих трех технологических принципах, позвать в нее всех желающих, есть договоренность с определенными достаточно известными неформатными российскими политиками, что они захотят туда войти, и устроить на этом движке пока что обсуждение тех вопросов, которые не обсуждаются, от экологии до миграции. И посмотреть, что получится. Потому что мы же на самом деле говорим о некой модели принятий решений, системе поддержки принятия решений с участием широкого круга людей. Это будет недорого, и мы просто посмотрим, получается у нас что-то или нет.

Игорь Юргенс. Спасибо большое. Интересный проект. Тамара Георгиевна Морщакова.

Тамара Морщакова (судья Конституционного Суда в отставке). Спасибо. Первое, что мне хотелось бы сказать – это такие комплиментарные слова. Потому что доклад, который мы обсуждаем, с моей точки зрения, я его оцениваю исключительно как специалист в своей сфере, он один из немногих, а может быть, вообще даже единственный, который так грамотно освещал проблемы реформирования правовой системы России, если вообще мы ее сейчас можем еще квалифицировать как правовую. На самом деле на этот счет у меня есть очень большие сомнения, она мне представляется отступающей от всех правовых принципов, и здесь об этом говорится. И названы те основные направления, которые заявлены как собственно программа развития, если это развитие имеет в качестве своей цели какое-то положительное российское будущее, а не полный его крах. Без программы правового развития, конечно, никакие (назовем модным словом)

модернизационные проекты в стране результаты не дадут. Это понимают уже, по-моему, все, кто очень далек от права, экономисты в первую очередь понимают это среди представителей других альтернативных, не юридических областей знаний.

Поэтому мне представляется очень важным все, что здесь написано о суде, как программа преобразования, и очень важным представляется все, что написано о модернизации уголовной политики и о модернизации, скажем так, силовых ведомств. Это было мне очень интересно, и в этом смысле я даже хотела сделать авторам раздела о вот этих силовых ведомствах определенный комплимент, потому что они не позволили себе забыть те идеи, которые уже на свет появились лет 20 назад, в момент, когда, может быть, решалась судьба бывшего КГБ и когда очень уважаемый мной представитель президентской администрации на тот момент господин Севастьянов сам закрыл двери КГБ на замок.

Идея такая, что на самом деле из тайных служб у нас должна существовать только контрразведка, это абсолютно обоснованная и правильная идея. Есть немножечко отступление от нее в этом проекте по части Федеральной службы охраны Конституции. Это такое ведомство, немножко похожее на немецкое ведомство, но оно там сравнивается ни с чем иным как с нашими вот этими действующими сегодня фээсбэшными функциями и структурами. И в этой части, может быть, я могла бы выразить некоторое несогласие с докладом, потому что борьба с тем, что называется сейчас экстремизмом, терроризмом и прочими страшными «-измами», которые служат, кстати, контраргументами, совершенно не имеющими должного объективного веса против реформаторских идей, вот все, что у нас происходит с этими «-измами», сейчас находится в плохом состоянии.

Не далее как вчера мне пришлось участвовать в заседании научно-консультативного совета при Верховном суде, я вхожу туда много лет, и там обсуждался проект постановления пленума о том, как надо в судах рассматривать уголовные дела о преступлениях так называемой экстремистской направленности. Это порождение наших последних законов, эта терминология никому не ясная и, по сути, открывающая дорогу к колоссальному произволу в этой области. Поэтому здесь я бы с этой Федеральной службой по охране Конституции, может быть, подумала, какие коррективы нужно сюда внести. А на самом деле то, что планируется и по этому докладу как предмет ее деятельности, с моей точки зрения, вполне должно решаться тем самым министерством, которое называется «Министерство внутренних дел», и реформация которого здесь предложена и правильно предложена – с разделением на необходимые уровни (местные, региональные и федеральные), с ограничением функций федеральных органов и т. д.

Здесь полностью исчез один вопрос, о котором хотелось бы, чтобы сказали. Хотя речь идет, может быть, об очень печальном для нашей страны факте. Это такой факт, как полный произвол публичного преследования в

стране. Потому что на преодоление этого положения тоже нужно нацелить какие-то мероприятия и как-то включить его в программу, потому что то, что мы сейчас имеем в сфере уголовного преследования, административного преследования (я беру сейчас всю область публичных правоотношений), налогового преследования – все это область беспредельного произвола. То есть кроме правил произвола в этой области не действует ничто, несмотря на наличие достаточно развернутого законодательства, которое однако по своей форме и содержанию создано таким образом, что практически отдает все на откуп тем органам, которые занимаются охраной этих публично-правовых отношений в государстве. Здесь положение страшно тяжелое, оно смыкается с положением, о котором здесь написано, применительно к сфере, допустим, модернизации уголовного законодательства и судебной системы, оно смыкается с этими положениями, в этой области, уверяю вас, защиты не может найти никто.

Иногда СМИ печатают некоторые удачные примеры, как это удается, но это удается, поверьте мне, по случаю. Это не правило, это значит, что до кого-то не дошел приказ, или по какой-то проблеме приказа не было, потому что нет никого из заинтересованных. Но на самом деле это тоже неважно, потому что даже в политически нерелевантных делах вся правоохранительная система работает уже в соответствии с той абсолютно искаженной парадигмой, которую они для себя нарисовали. А построена она исключительно на том, что как и государство не служит гражданам, эта идея абсолютно общая, так и правоохранительная система не служит гражданам, а она обеспечивает защиту только своего собственного интереса, который заключается в свободе использования властных полномочий в целях собственных, личных, корыстных, во всяком случае не заслуживающих никакого публичного одобрения. И вот этот произвол, он должен как-то найти место в программе развития, нацеленного на будущее, потому что он настолько всеобщ, потому что он подмял под себя сейчас даже такой институт, очень мало подверженный собственно этому произволу, как суд присяжных, когда решение суда присяжных просто моделируется сверху. Здесь есть особые технологии, я не буду в это внедряться, это особый предмет разговора и уже частного разговора, но это так.

Теперь второй тезис, на котором мне хотелось бы остановиться. Нет контраргументов у антиреформаторов. И это, наверное, надо показывать. Все, к чему они обращаются – это наше советское прошлое, как тогда было хорошо. Ну, наверное, мы все были тогда много моложе, и нам по одной уже этой причине было тогда хорошо. Мне кто-то недавно сказал, что у меня был только кусок хлеба, намазанный маргарином, но я был счастлив. Да, это на самом деле не образ российского будущего, и это все понимают.

Но вот что хотелось бы еще, чтобы было продолжением что ли этого доклада, этой работы или, может быть, предметом каких-то особых исследований, на что нужно, с моей точки зрения, обязательно обратить внимание. Когда мы говорим о сфере права, это особенно сложно и в то же

время важно. Вот здесь выступали, допустим, представители профсоюзов или представители, сторонники, любители, пользователи электронных технологий. Посмотрите, у них у всех есть то, что они могут представить как некий механизм для реализации идей в их области. Есть забастовки, есть профсоюзы, есть формы протеста, есть электронная подпись, электронное голосование, выявление общественного мнения таким путем. Что-то есть. Возьмите правовую систему. Какой механизм реорганизации правовой системы мы с вами можем назвать? Никакого. Вот у нас есть механизм реформирования политической сферы, мы говорим – нам нужно восстановить реальную многопартийность, политическое многообразие, идеологическое, нам нужно возродить выборы в подлинном их смысле, в автономном смысле этого слова.

А что кто-нибудь может предложить, для того чтобы осуществились реформы, понятно, какие, цели обозначены, они и в этой программе. Какие собственно на основе этой программы и для ее реализации мы можем увидеть или создать механизмы действия в этой правовой сфере? И кто собственно в этой сфере может быть субъектом реализации этой программы?

Вот я бы хотела, чтобы все присутствующие задумались над одной для меня очень печальной мыслью, но я ее все-таки изложу. Печальность этой мысли заключается в том, что изменить в этой сфере что-то можно только с помощью импульса сверху. И вот это кажется самым малообнадеживающим. Может быть, нужно действительно создать какие-то центры публичного права в стране. В свое время мы предлагали с Еленой Владимировной Новиковой тоже, чтобы существовал такой центр публичного права по образу Центра частного права, который действует более или менее активно в Российской Федерации в Москве. Но какой-то нужен субъект, который мог бы здесь инициировать движение вверх, в порядке обратной связи. Я уверена, что никакой обратной связи подлинной нет, которая давала бы необходимую информацию о действительном состоянии дел в правовой системе, иначе президент Медведев никогда бы не был так настойчив во многих своих интервью и публичных выступлениях, в постоянном повторении тезиса о том, что правоохранительная система независима, и он не вмешивается в ее дела. Обязанность реформировать эту систему есть обязанность, конечно, государства, если оно собирается служить когда-нибудь своим гражданам. Поэтому здесь мне кажется необычайно важным определиться по субъектам реализации этих идей.

И, может быть, связанный с этим последний тезис, на котором мне хотелось бы остановиться. Да, действительно, никакие реформаторские программы, очевидно, не осуществимы, если они не станут предметом консенсуса между обществом и властью. Но как добиться этого консенсуса – формы этого надо искать. Здесь экспертное сообщество, конечно, имеет очень большое значение. И я сегодня внимательно отслеживала эту дискуссию по поводу значения разногласия и единогласия в экспертном сообществе. Должна вам сказать, что существующие разногласия в

юридическом сообществе имеют резко отрицательное значение, потому что противопоставляются не несколько моделей, направленных на достижение какой-то политически и в правовом отношении одобряемой модели развития, цели развития, а сопоставляются абсолютно различные пути этого развития: или, резко, скажем, назад к тоталитаризму и произволу на основе каких-то воспоминаний о том, что когда зона была всеобщей, то все имели абсолютное равенство в получении пайки, и при этом был полный порядок, потому что все это огорожено проволокой. Это, конечно, аллегория, но на самом деле предложения контрреформаторов в правовой сфере звучат именно так.

И другая линия, о которой нужно нам всем заботиться, – это, конечно, линия на обеспечение верховенства права в соответствии с европейскими гуманитарными ценностями. И должна вам сказать, что у нас ее не стесняются отрицать на самых высоких уровнях и даже на тех уровнях, где можно было бы предполагать наибольшее уважение к нравственным началам. Даже на уровне представителей российской православной церкви отрицают первостепенное значение личности, ее прав и свобод. Здесь нужен общественный консенсус. И выработка этого общественного консенсуса и попытки включать в достижение этого консенсуса достижение, с одной стороны специалистов-экспертов, скажем, юристов, с другой стороны, широкое представительство гражданского общества и с третьей стороны – представителей власти, потому что без них этот безумно тяжелый камень, который надо поднять только совместными усилиями, конечно, но правового развития страны, не удастся сдвинуть с места.

Спасибо. Спасибо вам за то, что вы не забыли право.

Игорь Юргенс. Спасибо Вам большое. Сейчас, одну секундочку, всем дам слово, все отреагируют. Первая моя большая благодарность Тамаре Георгиевне за язык. Так больше по-русски не говорят или говорят очень малое количество людей. И Тамара Георгиевна преподавала нам здесь блестящий урок этого.

Положение номер два, о праве вообще в Российской Федерации, в России. Оно азиатское. А азиатское право было направлено на удержание власти.

Тамара Морщакова. Да. Но это, по сути, не право.

Игорь Юргенс. Единственная цель права в великом Китае... Я здесь никак не иронизирую, до 1820 года Китай производил 30% ВВП мира. Потом у него начались свои трудности, связанные с этим. Но в китайском праве прямо сказано: право – это способ удержания власти и избегания смуты. Собственно это мы и заимствовали. Александр II, который попытался нашу систему реформировать на германском праве, нравственности, коллективности в принятии решений, он, к сожалению, как вы понимаете, хотя и ввел суд присяжных, но пал жертвой понятно кого – именно тех людей, ради которых он старался. Но, как всегда, все хорошее в России затягивается, и он не успел. Не успел – значит, нам надо продолжать.

И еще один важный момент, назовем его так, очень условно: о взаимоотношениях общества и силовой бюрократии, просвещенной части силовой бюрократии. Во-первых, в этой силовой бюрократии есть порядочные люди, которые пришли служить и с гордостью носят свои погоны в надежде, что они служат добру. Это первое. И среди них есть очень умные люди.

Второе. Даже те из силовой бюрократии, которые пришли по другим основаниям или в силу, я бы сказал, этнографической какой-то, антропологической катастрофы, которая нас преследует последние 20 лет, выродились и зарабатывают там деньги, они понимают, что когда-то они выходят на улицу, снимая погоны, и тогда их настигает то, что они порождают.

Игорь Юргенс. Федор Крашенинников.

Федор Крашенинников (политолог). Здравствуйте. Меня зовут Федор Крашенинников, и я хотел сказать немножко не о том, о чем говорил Леонид Волков, потому что мы прочитали очень внимательно доклад, обсуждали его. Я бы хотел попросить обратить внимание на несколько пунктов, которые там есть.

Во-первых, надо обратить внимание на развал власти в регионах. Отмена системы выборов вопреки ожиданиям привела не к укреплению власти, а практически к развалу власти на местах. Никогда еще власть на местах не была так неавторитетна, как сегодня. Я думаю, вы знаете, что есть реперные точки в России – это Санкт-Петербург, это Иркутск, это Екатеринбург, где власть наиболее сильно проседает под давлением общества или просто не отвечает на вызовы. Это не какие-то случайные явления, это системный сбой, который будет накапливаться и повторяться. Президент сказал, что к выборам губернаторов мы вернемся лет через 10–15. Я боюсь, что гораздо раньше все произойдет и по каким-то другим причинам. По факту система назначения губернаторов сама себя разрушит гораздо раньше. Я бы назвал это явление потерей приводных ремней между обществом и властью. Губернатор, присланный из центра, – очень часто это как палка в песке – он воткнут и ни с чем не связан. Для меня большая загадка, как люди вообще собираются в случае того самого Тахрира работать с местным населением при условии, что местное население даже не опознает своего губернатора в лицо, просто потому что это настолько чужой и невнятный человек, и равнодушный к проблемам региона... Фактически мы столкнулись с ситуацией колониальной империи, когда джентльмен из Лондона приехал руководить деревней в Кении и, в общем-то, в гробу видал всех местных жителей. Это один пункт. И я хотел бы, чтобы эта тема рассматривалась как-то шире и глубже, это очень важная тема.

И вторая тема, которая меня лично очень сильно беспокоит. О ней тут уже говорил по вопросам этики Владимир Бакштановский. Это проблема роста клерикализации общества. И давайте скажем прямо, что вопрос модернизации входит в прямое противодействие с действительно

неотрадиционалистической моралью, которую нам пытаются насадить. Что бы там ни говорили сверху какие-то нанятые или искренне верующие в это дело люди, между модернизацией и этими самыми пресловутыми модернизационными ценностями нет никаких связных ремней, к сожалению. Это не ценности развития, это ценности торможения. И я бы связал эти два вопроса... К сожалению, не имея никакой опоры в местном населении (мы у себя это очень четко видим), власть пытается найти опору в наиболее радикальных клерикальных кругах. Последняя идея, допустим, в Екатеринбурге, у нас – построить 300 церквей в городе Екатеринбурге. 300! Это в городе, где на Пасху пришло в церковь 20 тысяч человек при населении 1,5 миллиона. 300 церквей! В нашем городе за счет бюджета содержится огромный Храм на крови, за счет областного бюджета, в государстве, объявленном светским.

Это процессы очень тревожные, потому что мы не до конца понимаем, к чему они приведут. И мне очень грустно и больно, что эта тема никак не обсуждается, она табуирована, она запрещена. Мы, с одной стороны, говорим о модернизации, с другой стороны, мы видим просто провал в какое-то ужасное Средневековье. И это не какие-то ритуальные слова взбесившегося интеллигентика, что «ах какое мракобесие!», это реальность. Когда мы видим выступления людей, которые призывают жить в XXI веке по нормам XVI века и искренни в своем убеждении, это страшно. Еще страшнее, что эти люди сидят рядом с властью и выступают от имени власти. Я думаю, что тема клерикализации общества должна как-то обсуждаться. Было бы очень важно и здорово, если был бы проведен какой-то круглый стол и даже, может быть, подготовлен доклад по этому вопросу. Потому что мне кажется, что представление федерального руководства о положении дел в стране слишком благодушно. Я думаю, поддерживая руководство русской православной церкви, руководство нашего государства не понимает, с кем оно на самом деле имеет дело и к чему это приводит на местах. Я бы просил всех тех, кто может, поучаствовать в этой дискуссии и поднять ее, каким-то образом поднимать эту тему. Потому что это наше будущее, это наша страна, и если мы хотим развития, модернизации будущего, давайте что-то делать с этим. Это очень важно, я считаю. Спасибо, что дали возможность выступить.

Игорь Юргенс. Спасибо большое. Пожалуйста.

Михаил Савин (директор социологической службы «Барометр», руководитель Центра социологии и прав человека в Российской академии наук и руководитель исследовательского центра «Бизнес и общество»).

Начать я хочу, отталкиваясь от выступления Тамары Георгиевны. Она поставила очень важную, исключительно важную проблему правового развития нашего общества. Я уже восемь лет веду с Советом Федерации мониторинг законодательства и правоприменительной практики. В июне будет уже девятая ежегодная конференция. Должен сказать, что анализ показывает, что состояние качества законодательства ухудшается.

Ухудшается качество правоприменения. Здесь очень много можно говорить на эту тему, но поскольку сегодня нет стратегии правового развития, мы не можем принять даже закон о принятии нормативно-правовых актов более десяти лет, и много других таких вещей, которые просто не укладываются в обыкновенную логику. Одним словом, это очень серьезная проблема, и ей нужно уделять больше внимания.

В это связи хотелось бы также сказать о судебной системе, поскольку многие касалась этой проблематики. И хочу вам сказать, что пока еще в обществе не найден правильный камертон в анализе судебной системы. Несколько лет назад на одном из всероссийских съездов российских судей я проводил экспертный опрос, и я специально развел две проблема. Первая проблема – это отношение к совершенствованию судебной системы. И вторая проблема – это становление судов как судебной власти. И вот когда я задавал вопрос, как вы относитесь, как идет процесс совершенствования судебной системы, в целом положительные оценки более 60%, в целом – полностью либо частично. Но когда я задавал вопрос «Как, на ваш взгляд, идет становление судов как судебной власти?», оценки значительно падали. Это исключительно актуальная, очень серьезная проблема, и она сегодня сказывается во всех проявлениях. Тем более, мы в последнее время провели более десяти ежегодных конференций России и Совета Европы, внимательно сейчас анализируем все, что касается отношений России и Европейского суда по правам человека. Все это так или иначе касается состояния нашей судебной системы.

Здесь Тамара Георгиевна также затронула вопрос о проблеме защищенности людей, о состоянии произвола в обществе. Действительно практически сегодня ни одна социальная группа, практически люди не защищены. Вот только что состоялась конференция, посвященная 35-летию Московской Хельсинкской группы. Я традиционно принимаю участие и проводил исследования на ее 20-летие, 25-летие, 30-летие, вот 35-летие. И вот эта проблема стояла очень остро применительно к правозащитникам и представителям средств массовой информации. Юрий Федорович Орлов, основатель, нынешний почетный президент Московской Хельсинкской группы, поставил вопрос о создании международного суда по защите правозащитников и представителей средств массовой информации. Вот в эту плоскость уже переносятся сегодня вопросы. Это то, что касается развития нашей правовой системы.

Вторая проблема, которую буквально кратко хотел затронуть, – это то, что, я считаю, необходимо больше внимания уделять анализу состояния нашего предпринимательства. Я должен прямо сказать, поскольку я с 90-го года отслеживаю эти процессы, провел более 50 экспертных вопросов, я чувствую, что в последнее время эта проблематика, она как бы в широком таком контексте отошла на второй план, имеет различные аспекты. А ведь в свое время издавался специальный журнал «Бизнес и власть» и т. д., много

других было, много было конференций по лоббизму, по другим аспектам взаимоотношений.

Игорь Юрьевич, в настоящее время в связи с приближающимися выборами и актуальностью проблемы взаимоотношений бизнеса и власти, я считаю целесообразным, во всяком случае я уже поставил себе в повестку дня проведение совещания представителей деловых кругов «Предприниматели и выборы». В октябре 93-го года, когда я активно был включен в процесс анализа взаимоотношений бизнеса и власти, тогда состоялось такое всероссийское совещание. Я проводил экспертный опрос и должен сказать, что оценки предпринимательской среды, позволили мне потом дать исключительно точные оценки по итогам тех выборов 93-го года, поскольку бизнес как камертон, у них есть такое социальное чутье, они чувствуют, где, что и как может произойти и т. д. Поэтому я сейчас буду это ставить в повестку дня.

И, наконец, последнее. В нескольких выступлениях звучал вопрос об экспертном сообществе. Александр Аузан сказал, что вроде, мол, зачем нам консолидация, кто-то говорил – это сложно, кто-то говорил – это надо, консолидироваться. Я должен вам сказать, что эта проблема сегодня приобретает исключительно важное значение, проблема экспертных оценок. Дело в том, что эта деятельность не упорядочена. Все стараются что-то оценить, а в конечном счете вообще не получается должной оценки. И хочу вас проинформировать, что в июне месяце в рамках Девятой конференции по законодательству и правоприменительной практике состоится круглый стол в экспертизе и экспертной деятельности. Мы идем туда не с пустыми руками, а дело в том, что в ближайшее время сейчас уже на заключительном этапе принятие закона об общественной экспертизе.

Мы более шести лет здесь бились, никто не воспринимает это, ни одна структура – ни Общественная палата, ни Государственная Дума, я и там всех знаю, никто... Мы пошли через Межпарламентскую ассамблею. В свое время нам удалось принять модельный закон о государственной экспертизе, о научно-технической экспертизе. И вот сейчас мы прошли многие ступени по общественной экспертизе. Так что сейчас нужно упорядочивать этот процесс законодательно. Тогда, естественно, все будут более строго относиться к различного рода оценке. В июне месяце мы будем проводить вот этот круглый стол, и я сделаю тоже приглашения, мы сделаем, и поэтому, может, кто-то из вас примет участие, поскольку мы считаем, что это очень важно. В целом я хотел бы сегодня сказать, удовлетворен обсуждением исключительно важных материалов доклада, который был здесь подготовлен. Так что надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Спасибо.

Евгений Гонтмахер. Слово предоставляется Жданову Александру Федоровичу.

Александр Жданов (директор Исследовательского центра публичного права, Новосибирск). Уважаемые коллеги, я хотел бы

остановиться на двух моментах. Во-первых, указать на те предложения, которые считает наш центр, Исследовательский центр публичного права, выразить по поводу совершенствования доклада в части федеративного устройства и местного самоуправления в Российской Федерации, подготовленный на основе нашего обсуждения 13 апреля настоящего доклада ИНСОРа. И во второй части я еще несколько своих соображений выскажу. По поводу федеративного устройства и местного самоуправления очень тезисно сформулирую наши предложения, очень конкретные предложения по поводу совершенствования этих институтов.

Наш центр полагает, что развитие федеративного устройства и местного самоуправления должно происходить через совершенствование федеральной власти. С другой стороны, совершенствование федерального центра возможно только путем совершенствования путем публичных институтов на региональном и местном уровнях. То есть должна быть взаимосвязь изменения системы органов федеральной власти с изменением институтов в других публичных корпорациях.

Здесь, с нашей точки зрения, возможно предусмотреть принцип транстерриториальной ротации кадров. То есть лица, которые работают в федеральных структурах, должны направляться, в сопоставимых, конечно, финансовых условиях, на работу в органы власти регионов и в органы власти на местах. И наоборот, лица, которые работают в органах местного самоуправления, в региональных органах, должны направляться в федеральные структуры для получения опыта. В этом плане мы сможем обеспечить так называемый социальный лифт и карьерный рост для всех уровней управления. С другой стороны, что более важно, мы сможем обеспечить формирование высокоэффективного корпуса публичных управленцев, которые будут иметь опыт работы на разных уровнях публичной власти. Полагаем, что одно и то же лицо не может замещать должность на публичной службе, государственную или муниципальную должность, более двух лет подряд, что необходимо прописать в соответствующем законе.

Далее. Кроме этого нам мыслится то, что в случае формирования структур федеральных органов в регионах необходимо предусмотреть законодательно, сегодня указом президента это предусмотрено, но более четко предусмотреть механизм согласования назначения должностных лиц федеральных структур в регионах. То же самое возможно предусмотреть в части согласования назначения в отдельных исполнительных органов регионов со стороны Федерации, потому что у нас Федерация и регионы образуют единую систему исполнительной власти.

Кроме этого, мы считаем, что Конституция содержит нереализуемую сегодня норму (пункт «е» статьи 71 Конституции), предполагающую в ведении Российской Федерации установление основ федеральной политики и федеральной программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития.

Полагаем, что соответствующие основы и федеральные программы должны приниматься на нормативном уровне федеральных законов, с тем чтобы обеспечить публичность обсуждения. Кроме того, должны приниматься федеральные законы в целом о порядке установления основ федеральной политики и федеральных программ. Потому что сегодня мы имеем, кстати говоря, последний пример – это основы государственной политики в области правового просвещения граждан. К сожалению, этот документ 4 мая опубликован, но непонятно, что это такое: это указ Президента был, распоряжение Президента, это было поручение или указание? Непонятно, что это за документ, куда он обращен. Хотя вроде о правовой грамотности, но сам документ даже неграмотно сформулирован, с нашей точки зрения, и непонятно, какой статус имеет, к сожалению.

Кроме того, с нашей точки зрения, необходимо совершенствовать законы, базовые законы по региональным структурам и организациям местного самоуправления в Российской Федерации, 184-й и 131-й закон. Они должны быть поистине об общих принципах, а не детально регулировать соответствующие правоотношения. Кроме того, необходимо четко предусмотреть не то, что, с моей точки зрения, сегодня говорилось: 30, 30 на 30 налоговых доходов остается в соответствующих бюджетах. Необходимо предусмотреть корреляцию полномочий органов публичной власти и соответствующих ресурсов, как материальных, так и финансовых, для их реализации. Полагаю также, что для того чтобы развивать местное самоуправление, федеративные основы, нужно внедрить в российскую правовую систему институт правового эксперимента в смысле проработки определенных правовых институтов на уровне отдельных регионов и муниципалитетов прежде реализации на общефедеральном уровне.

И кроме того, очень важный нормативный акт, полагаю, необходимо разработать и принять в Российской Федерации – это Постановление Правительства о федеральной целевой программе «Комплексное развитие городских поселений и сельских поселений в субъектах Российской Федерации на период до 2020 года». Иначе мы рискуем к 2020 году... По крайней мере по примеру Новосибирской области могу сказать, что мы рискуем потерять, вообще говоря, очень много населенных пунктов, находящихся в городских и сельских поселениях, поскольку каждый месяц у нас принимаются законодательные акты об упразднении от одного до пяти населенных пунктов в соответствующих сельских либо городских поселениях. Необходимо возродить, а не ликвидировать и выяснять причины, в чем там негативная ситуация складывается, и развивать эти поселения, а не уничтожать.

В этой связи требуется по реализации данных предложений в доклад принять, с нашей точки зрения, 11 нормативных актов. У нас есть соответствующий перечень, мы можем предложить.

Ну и кроме того у меня есть несколько коротких соображения по докладу, своих собственных. Во-первых, думаю, что отдельные положения

доклада, которые существуют в данном тексте, уже реализуются, кстати говоря, органами государственной власти, например, смешанная система на муниципальных выборах, трансляция заседаний Государственной Думы в сети Интернет, принятие основ госполитики в сфере правовой грамотности и другие.

Второй момент по поводу такого важного направления как десталинизация. С моей точки зрения, по содержанию это направление правильное, но по названию достаточно узкое. Мне кажется, что мы должны работать по преодолению не только этого аспекта, но и в целом любого вида тоталитарного и экстремистского мышления, будь то это нацизм или иные какие-то формы, потому что нацизма здесь нет, а он проявляется в Российской Федерации тоже достаточно серьезно.

В целом я полагаю, что доклад заслуживает положительной оценки, он вносит оптимизм в наше экспертное сообщество, которое порой лишено таких документов. Я думаю, всецело надо поддержать, помочь в совершенствовании и в реализации тех положений, которые в этом докладе имеются.

Спасибо за внимание.

Евгений Гонтмахер. Спасибо. Очень подробно и очень инструментально.

Юрий Авдеев (Азиатско-Тихоокеанский институт миграционных процессов и Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН).

Я хотел обратить внимание на два раздела доклада – связанный с миграцией и с регионалистикой. Для нас это действительно наиболее актуальные проблемы, почему – потому что, сами понимаете, Дальний Восток – это больше 6 миллионов квадратных километров территории, на которой живет сегодня немногим более, а даже, может быть, и менее 6,5 миллионов человек. До 90-го года там было 8 миллионов, 1,5 миллиона мы за 20 лет потеряли. Из этих 1,5 миллионов где-то 1 миллион – это бывшие военнослужащие, их семьи, обслуживающий персонал и все, что с этим связано. То есть в меньшей степени это так называемое мирное население. Но, тем не менее, потеря действительно довольно существенная. Больше оголился север, меньше – юг.

В этой связи совершенно очевидно, что и территориальный рисунок значительно изменился, потому что за эти 20 лет только Приморский край сократился более чем на 100 населенных пунктов. То есть идет сжатие населения. Мы как шагреневая кожа начинаем съеживаться. Когда я слышу песню «А на Камчатке засыпают города...» я думаю, о каких же городах идет речь, когда там только Петропавловск-Камчатский и больше ничего. Примерно то же самое сегодня и на других территориях. Достаточно сказать, что Якутию сегодня осваивает меньше 1 миллиона человек на территории в 3 миллиона квадратных километров.

Поэтому мне представляется, что с точки зрения территориального развития, очевидно, здесь не может быть общей стратегии. Есть стратегия развития и есть стратегия освоения. Это, наверное, немножко разные вещи. И здесь подход, тактика и ресурсы должны быть несколько иными. В свое время, где-то, наверное, в 2005 году, мы, пытаясь оттолкнуться или, скажем так, отойти от понятия «Дальний Восток», решили предложить ему некоторую замену, назвав эту территорию «Тихоокеанская Россия». Были разные на этот счет реакции, но смысл заключается в том, что Тихоокеанская Россия – это географически не в пределах границ Дальнего Востока, а это все те бизнесы и все то, что ориентировано на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона.

И, согласитесь, когда мы смотрим на символ России – двуглавого орла, то у каждого, наверное, свои ассоциации, но все-таки речь идет о том, что мы имеем дело как бы с такой двуединой политикой: есть взгляд на запад и должен быть взгляд на восток, и только совсем недавно начинает приоткрываться глаз орла, который смотрит на восток. То есть я имею в виду сейчас все то, что связано с активным движением и принятым, можно сказать, мужественным решением проведения форума АТЭС в 2012 году во Владивостоке. И какие вложения, какие вливания сегодня происходят – это, попросту говоря, довольно трудно даже сфантазировать было бы в 2007 году. В первый раз, когда мне пришлось выступать перед представителями Министерства регионального развития и Министерства экономики во Владивостоке, я называл скромно цифру в 37 миллиардов рублей на освоение острова Русский, и меня держал первый вице-губернатор, говорил: «Не пугай людей, потому что таких денег нам, конечно же, никто не даст». Сегодня осваивается, ни много ни мало – 560 миллиардов. Это все-таки довольно приличные деньги. Но при этом я, конечно же, отдаю себе полностью отчет, что речь идет не столько о строительстве или о создании инфраструктуры, сколько об освоении федеральных бюджетных денег. Это понятно. Но, с другой стороны, даже то, что делается сегодня, – это, конечно, уже очень мощный импульс для развития этой территории.

Но посмотрите, что при этом происходит на соседних территориях. Не злоупотребляя вашим вниманием, но я, тем не менее, для наглядности попытаюсь показать цифры, скажем так, «национальных квартир» одинаковой площади: Россия (Дальний Восток), северо-восток Китая, две Кореи и Япония. Так вот, получается, если в нашей квартире живет один человек, на территории Китая живет 176 человек, на территории Северной Кореи живет 235 человек, на территории Южной Кореи – 275, и 320 живет на территории Японии. Скажите, как будут смотреть на соседа, который вольготно живет на этой самой площади?

И кроме того здесь еще есть такая совершенно серьезная динамика тех планов, которые строят сегодня китайцы на приграничных территориях, когда на протяжении 3500 километров вдоль российско-китайской границы они сейчас строят 100 миллионных городов. При том опустении, которое

происходит на приграничных территориях Дальнего Востока. Причем здесь совершенно очевидно такое несоответствие, когда на северо-восток с китайской стороны граничит одна провинция Хэйлунцзян, с нашей стороны как минимум пять субъектов Федерации, которые конкурируют между собой за лояльность к китайским инвестициям или во всяком случае продвижению товаров на китайскую территорию. Поэтому, с этой точки зрения, все вопросы, связанные и с территориальной организацией, и вопросы, связанные с миграцией, и вопросы, связанные с управлением этой территорией, для нас чрезвычайно существенны.

Мало того, давайте будем говорить так: сегодня Китай во многом потерял интерес к взаимодействию с субъектами Федерации Дальнего Востока, по одной простой причине – что ни один из вопросов принципиально не может быть решен на уровне субъекта Федерации, все вопросы требуют согласования с Москвой. И это, естественно, не просто затягивание, а это, попросту говоря, зачастую отрицательное решение, потому что все это Москве либо слишком мелко, либо не соответствует ее приоритетам, и поэтому эти решения не принимаются. Поэтому, если посмотреть в динамике, то возможности и интерес и японских инвесторов, и безбашенных южно-корейских инвесторов, которые, тем не менее, идут, и это самые большие вложения, которые сегодня осуществляются на этой территории, но большей частью они также оказываются в проигрыше.

Но мало того, давайте будем говорить, и собственный бизнес сегодня не сохраняет свои позиции на Дальнем Востоке. Посмотрите, Дальневосточное морское пароходство – где штаб-квартира сегодня? В Москве. Где создана штаб-квартира Приморского морского пароходства, танкерный флот? Тоже сегодня за пределами Приморского края. И так по большей части. То есть большая часть всякого крупного бизнеса оказывается за пределами этой территории. И поэтому, естественно, и финансовые возможности, и управленческие возможности здесь весьма и весьма ограничены. Поэтому с этой точки зрения, наверное, понятно почему при тех федеральных вложениях, которые сегодня осуществляются на территории Владивостока при подготовке к саммиту, тем не менее, мы имеем отрицательный миграционный прирост. Люди, тем не менее, там не задерживаются, они убегают.

Все это в конечном счете требует довольно серьезного подхода. Самым радикальным решением было бы, с одной стороны, рассмотреть вопрос о переносе столицы или создании восточной столицы во Владивостоке или во всяком случае тот проект, который мы сегодня пытаемся оценить – вопрос, связанный с наделением Владивостока или южного Приморья и той территории, которая примыкает к Владивостоку, в качестве самостоятельного субъекта Федерации, для того чтобы большая часть вопросов могла бы приниматься здесь. Соответственно, вопросы, связанные с привлечением сюда стран АТЭС, создания их резиденции и т. д., для того

чтобы все вопросы или полнота полномочий данного субъекта Федерации могла бы соответствовать принятию решений на этой территории.

Евгений Гонтмахер. Пожалуйста.

Виктор Дятлов (профессор Иркутского государственного университета).

Я хотел бы продолжить тему, связанную с миграцией и с миграционным разделом. Давно я не видел такого компактного, четкого и логичного документа в этой сфере – и аналитического, и операционального.

Я хотел бы просто какие-то вещи прокомментировать или, может быть, развить. Мне в этом документе очень не хватает раздела, связанного с региональной миграционной политикой. Сейчас это монополия центральной власти, федеральной. Но на самом деле политические отношения вокруг трансграничных миграций, они все равно в регионе есть, потому что есть акторы, есть интересы, есть возможность принимать решения. Но при нынешней ситуации это все серая зона, это сфера практик. И, в принципе, в этой сфере практик может быть просаботировано любое решение центральной власти. Скажем, та же самая программа, связанная с соотечественниками, ее крах обусловлен просто саботажем в регионах, потому что в регионах эти соотечественники никому не нужны, в принципе. И это очень эффективная вещь. С другой стороны, Россия не просто велика, но невероятно многообразна, и не может быть одинаковой миграционной ситуации, ее нет, в Краснодарском крае и в Красноярском крае. Соответственно, не может быть и унифицированной политики в этой сфере. И это проблема непосредственно связана еще и с федерализмом и с его развитием. Даже не с развитием, а с новым зарождением. Это один аспект.

Второй аспект связан с адаптацией мигрантов. Мне кажется, что миграционная ситуация сейчас вновь этнизируется. Где-то несколько лет назад миграционная проблематика стала терять этническую какую-то окраску и выступать как сама по себе миграционная. Теперь она снова этнизируется и снова в эпицентре конфликтности. Это вещь чрезвычайно тревожная, и здесь необходимо в этом плане что-то делать. И одна из стратегий, понятно, очевидно, это адаптация. И мне кажется, что проблема среднесрочной перспективы, может быть, ключевая с этим связанная, – это дети мигрантов и все что там дальше в этом смысле.

Это есть в документе, но, мне кажется, это стоит развить, потому что здесь необходимы не разрозненные меры, а здесь необходима системная политика. И системная политика, связанная прежде всего с институциональной сферой. Потому что сейчас ребенка мигранта могут принять в школу, могут не принять в школу. Это зависит от директора. Потому что, с одной стороны, все дети должны быть приняты в школу, а с другой стороны, если у ребенка родители с неопределенным социальным статусом или очень сомнительным, что часто бывает, то юридически и ребенка нет. Это одна вещь. Это поле произвола и это поле, которое может

выталкивать, уже сейчас выталкивает значительную часть детей мигрантов просто на улицу со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Затем совершенно необходимо, с моей точки зрения, решить эту проблему – дети иностранцев, они могут учиться бесплатно только до девятого класса включительно. Это значит невозможно сдать ЕГЭ бесплатно. Это значит невозможен дальнейший карьерный рост – вуз и т. д. То есть эта проблема, мне кажется, тоже должна быть решена. Много чего делается в плане создания учебников, учебных программ, букварей, внедрения каких-то вещей в школу, но это разрозненные инициативы часто полуличного, получастного плана. У нас была в советские годы совершенно замечательная система преподавания русского языка как иностранного, она полуразрушена, но мощные остатки все-таки сохранились, и это требует реанимации и продолжения. Еще необходима конкретная помощь школам, потому что реально это теперь проблема только школы. У нее и так много проблем и мало ресурсов, а теперь еще и дети мигрантов свалились со всеми этими гигантскими проблемами. Ресурсов нет дополнительных. Поэтому за детьми мигрантов должны автоматически следовать ресурсы, и не только материальные, но и всякие другие. Также проблему надо решать.

И еще. Наше общество не осознало проблему мигрантов. Необходимо готовиться, и необходима целенаправленная подготовка, в том числе подготовка элиты, элиты в широком смысле этого слова – тех людей, которые принимают решения относительно других людей. И, я считаю, стратегический путь – это работа с нынешними студентами, потому что через десять лет именно они будут определять то, что будет происходить в регионе, в центре и на местах.

Мы попытались сканировать ситуацию в этой сфере. Провели проект по Сибири, объявляли конкурс для молодых преподавателей, тех, кто читает какие-то учебные курсы, связанные с мигрантами. В любой сфере – от психологии до экономики. Вы знаете, сканирование показало, мы с трудом набрали 15 человек. Притом, что у нас действительно огромные связи, и набрать курс людей, изучающих миграционную ситуацию, нет проблем, конкурсы большие. Почти не преподается. Поэтому читать студентам лекцию о пользе толерантности бессмысленно. Только в процессе профессиональной подготовки они могут осознать всю сложность и неоднозначность проблемы. В этот процесс профессиональной подготовки это не входит. Значит здесь необходимы как меры сверху, государственные, программа и т. д., но и политика, связанная с профессиональным сообществом, – подготовка этих всех вещей. Ну и, конечно же, то, что иногда немного делается – это всякого рода подготовка представителей власти – чиновников, полицейских. Это не безнадежное дело, опыт есть, и не только западный, но и у нас в России, что можно хорошо и профессионально разговаривать на эти темы и с полицейскими, но это требует особых методик подготовки и специальных целенаправленных усилий.

Евгений Гонтмахер. Всем спасибо, надеюсь, что мы неоднократно еще будем возвращаться к поднятым сегодня вопросам.